

ИРИНА МАШИИСКАЯ

ВОЛК

2008

**1. ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕ ЭПИГРАФА»
1978-1995**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ.

Америка

* * *

Не сумев на чужом – не умею сказать на родном.
Эти брызги в окно, эта музыка вся об одном.
Я ныряю, хоть знаю, что там ничего не растет –
разве дождь просочится
да поезд внезапный пройдет.

Разве дождик пройдет по карнизам,
как в фильме немой,
по музейному миру, где вещи лежат – по одной.
Только это – да насыпь
с травой горячей, густой
мы на дно унесем: нам знаком ее цвет городской.

Потому что, сказать не сумев,
мы уже не сумеем молчать.
Солнце речи родимой зайдет – мы подкидыша
станем качать.

1992
Нью-Йорк

* * *

Не растрчивай словасловаслова
говорилаговорила голова
я ей головой киваю но ей-ей
укачало от учителей

Слово медленное словно сухогруз
черный ум везет в экибастуз
ох же там намнут ему бока
ох и поваляют, дурака

Чтоб ему да чтоб его да ой
ты зачем не острый а тупой
но зато под угольной горой
выйдет он упругий молодой

Из метаморфических глубин
из метафорических темнот
вынесет он звук что ни один
не добыл обидчик алладин

И над полем черным с сединой
тот же звук но в скорописи звезд
напевая повернет домой
прямиком и стало быть в объезд

Потому и тащит за собой
слово медленное как порожнюю баржу
потому и бормоча свое гугу
не посмеет "больше не могу"

1980-е/1995

Элегия

Допустим, уснул –
но не видишься спящим. Повсюду,
как крошек, какого-то жадного люду.
И тот, кто тебя осуждал, – и теперь осуждает,
а тот, кто тебя осаждал, – и теперь осаждаёт
тобой опрокинутый стул.

Река, и по ней
проплывает лишь берег. Не сразу
поймешь расщепленную надвое фразу,
осколок, сметенный как будто под лавку
– под строчку,
но то, что наутро уже не наденешь сорочку, –
вот это больней.

У нас карантин,
всё блудят и читают газеты.
Мне под руку лезут какие-то вырезки, где ты
не слишком похож, типографски выходишь, тревожно,
и пачкаешь пальцы, как бабочка, смотришь несложно,
обычно один.

Насчет новостей:
ты не знаешь, какая погода.
Погода – подобье вчерашней. Полгода
тебя не бывало, чтоб это отметить, и нету
сегодня. Одежду пустую уже потащила по свету
молва без костей.

Ты эти слова,
вероятно, получишь не скоро.
Я спорить ни с кем не намерена, спора
ужасней лишь истина, так же, как мертвого – спящий
один беззащитней. Правей меня первый входящий,
а я не права.

Я это пишу,
находясь у реки, по привычке.
Рассвет, и приятно нащупывать спички,
пока понемногу приподымается полог,
золу пошевеливать прутиком, как археолог,
останки какого-то Шу.

На том берегу
постепенно расходится пена
тумана, сырая выходит Камена
горы, по теченью лежащей горбато, отлого,
округлого мира полна, словно счастья – эклога,
как спящий на правом боку.

29 июля 1996

Памяти И.А. Бродского

Вот, в роще, уже не священной, давно отведенной под сруб,
и ты пролетел, только шаркнул подошвой о воздух.
С деревьев пускай

твое имя слетает, но только не с губ.
Еще поглазее хвоя, что тебе до того? Вот, на звездах
ближайших уже различима твоя нетяжелая тень.
Уже ничего, что б могло задержать – не случилось.
Уже потащили куда-то, и сняли подсумок, ремень,
сугроб накидали, чтоб только не в землю сочилось.

Молчу оттого, что молчать тяжелее всего.
Видавшая виды братва языком отмолола.
А нашим понятно, как нашего, собственно, мало:
покуришь – и дальше, не вечно ж светить на село.
Чем выше, тем зренье острее. На пне
меня различишь, усмехнувшись,
и далее, в кронах –
отдельные ветки, как ворс на тяжелом сукне.
Всю вырубку эту, как место звезды на погонах.

Июль 1996

* * *

Пора вернуться к самому началу,
как в хорошо заверченном романе.
Пора вернуться к самому началу,
войти и встать надолго в хвост вагона,
и, сумку привалив к опасной двери,
покачиваясь, долго нависать
над Схемой Линий Метрополитена.

Мне нравятся названия этих станций:
вот Семьдесят седьмая улица, а вот
уже Сорок вторая, боже мой! –
как хороши неназванные вещи! –
так пальцы пробегут по позвонкам,
так дождь бежит себе, не называя,
смывая ложной схожести пыльцу.

В местах, где рифмы долго не живут, –
как хороши, как свежи повторенья.
И если померещится значенье
иль, Боже упаси, какой-то тайный смысл –

смахни его, как рифму. Повторяясь,
скажу тебе опять: в повторах этих,
бессмысленных подобьях, возвращеньях

– нет ничего. Один лишь теплый свет
бесценного сквозного бормотанья.

...Когда-нибудь, на Пятой авеню
найди позеленевшую богиню
чего-то там. Скамеек, например.
Бродяга возлежит в ее тени.
Вся в ямочках она, в руке – газета
вчерашня. Шутник – космополит:
вот-вот прочтешь знакомый заголовок.

Как эта осень пасмурна! Как нас
тревожат эти надписи на сваях!
Кошмарное бывает величаво,
особенно – когда глядишь с моста,
и вывеска багровая отеля
похожа на плакат "ЗА КОММУНИЗМ".
Я не увижу, как его снимают.

И я тебе еще скажу, схватясь
за поручень серебряный в десятках
блестящих отпечатков, близоруко
склонясь над вечной схемой метро
(как будто это карта звезд), скажу: зевака
не помнит, не накопит ничего,

ни странствие, ни грустное влечение...
как капли – ласточке, как пальцы – позвонкам
– смотри сюда скорей – смешно, щекотно...

И я тебе еще скажу: никто,
похоже, что никто
на нас не смотрит сверху

1992 Нью-Йорк

Из цикла «Песни унылой родины»

1. Оконная

По стеклу поезда
налево вниз
ползла капелька
встретила капельку
и
съела капельку
и еще и еще капельку...
Много капелек
съела капелька

2 Романтическая

Летят ути
все в мазуте
на ноге пряжка
на душе тяжко

Летят сзади
такие дяди
что лучше право
лететь прямо

А их дружочки
вон там на лужочке
не рвут цветочки –
несут платочки

На север люди
на запад люди
как мелкий мелкий
узор на блюде

И то правда
не то храбро –
лететь быстро
а то храбро –
лететь низко

3 У забора

Тут не Рубцов – так Рахманинов.
Да объясни ты толково,

что ты гудишь, ну чего тебе –
ветра, что ль, свиста какого.

Солнце садится холодное.
Гаснет листва бореальная.
Свет зажигает в деревне
жизнь, от начала печальная.

Слева несут декорацию,
справа снимают убранство.
Жизнь, от начала печальная,
не виноватит пространство.

4. Ностальгическая

Говорят, мол, там теперь хорошо.
А ведь раньше было – нехорошо:
из парадного выходишь во двор
– только охнешь: не мороз, а топор!
то ли полночь, то ли семь, то ли шесть,
на работу – а на небе не счесть.

. . .

Не подскажите, какое число?
Ой, куды же это нас занесло!
Я вот платок себе куплю, и кастет.
Бают, нынче хорошо, где нас нет.

5 Сага

1-й подъезд:

Челюкановы, Пряхины, близнецы Овсянниковы, зем-

ледельцы Китайкины, все уменьшающаяся баба Дора, Лена Кузнецова, Юра Панфилов с матерью, Галёмины на втором, их родители на третьем.

2-й подъезд:

хозяйственные Сьомко, хулиган Блудов Олег с матерью и бабкой, тетя Зоя из "Спортпроката" с дядей Алешей, Юля и Андрюша Шевченко, Коля, мы, Ядвига Густавовна, безумные Рутковские, Лошкаревы, Сироткины Наташа и Витя, тетя Соня с точно такой же сестрой, Дзуенки.

1994-95
Нью-Йорк

II. УТРО НА КУХНЕ.

Москва

* * *

выйти замуж
строить замок
и смотреть с утра в оконце:
будто око
будто солнце
будто зеркало оно
будет так заведено
будет небо баловаться
брейгель – с горочки кататься
мать – грозить ему в окно

1978

На улице в четыре дома...

На улице в четыре дома
я знаю только два столба.
Иду, не подымая лба,
по улице в четыре дома.

А этот лед – моя беда.
День короток. Но к маю, к маю
– сбегает поздняя вода,
гремит музыка полковая

от поворота и до рва.
На улице в четыре дома –
вот где вселенская истома,
растет пахучая трава.

Под горой

...там, где музыкою пахнет,
где гармошка тихо ахнет,
где спускается в овраг
на ночь запертый продмаг,
где у дома углового
ситец розами горит,
и фонарь, как уголовник,
как на шухере, стоит.

1984
Крым

Перед разлукой

Листва твердит, что тень – и громкою посудой
ей вторит дом, покуда не жара.

Всего лишь семь часов, и веет со двора
покоем движущимся, тенью изумрудной.

Входи скорей, с калиткою пропой
мое любимое: "Скучал я за тобой!.."

И я соскучилась по узкому лицу,
на смуглом пальце смуглому кольцу,
по мягким "ч", по странным сочетаньям
нерусской этой речи, этих щек
нерусской удлинённости – еще
по странному себя неузнаванью.

Входи скорее! Вымыт виноград
при помощи ковша с кривою ручкой.
К тебе кидаются Малыш, Цыган и Жучка;
в беспамятстве гостеприимства сад –
в немом восторге – твердою листвою
тебе гремит, и ведрами, и мною.

С какой свободой ты в это утро вхож,
пригож по-утреннему, в майке бирюзовой.
Тебя не узнаю – какой ты снова новый!
Смотри, вот этот ковшик – он похож

на то, что на небе вчера... Он тоже
запутался в существованьях схожих.

И не узнать себя в почти что невесомом
соленом существе, а этот, прямо к дому –
чуть шатко, как по палубе – и в тень
глубокую – такой чужой – шагрень
дворовую... Дай руку мне, пора
– бежим, бежим, покуда не жара

1982

Лунная ночь

Меня со всеми унесло.
Песок блестел, как в день творенья.
Сияло слово, как число,
в случайной тьме стихотворенья.

Но я все там же, среди глыб,
на влажной, темной кромке века,
и наблюдаю пенье рыб,
и слышу голос человека.

Во мгле мелькают плавники
на размыкающемся своде,
и догорают маяки
и разговоры о свободе.

И тьма, переутомлена
сознанием, не молвит звуки.
Но ювенильная луна
сама плывет в пустые руки.

1989

Письмо. Июнь

Это лай всех собак
(и округа спит)
Это сон всех мостов
навесных цепей
Вслушивайся же
        в свой шаг -
в этом городе был постой
денщиков-императоров
и солдат-царей

Это бег всех дверей
подворотен зов
Загляни в захудалую душу свою
Не распутаешь
        о такой поре
понавязанных
        нежных узлов
и заря идет не догнав зарю

И барашки по белой воде бегут
и бумажные корабли идут
Ты за тыщу верст
        а тебе наврут
будто был ты тут

Воскресенье

День проходит, не дыша,
будто тень от самолета.
Просыпается душа
под пятой у стихоплета.

Слезы, розы, благодать,
сроки, проводы, прощенья –
неохота вспоминать
все былые превращенья.

День проходит. Ей бы встать,
ей бы платьице получше,
ей бы, скажем, погулять
или музыку послушать.

Но, открыв глаза, лежит
в луже посреди предместья.
В небе облачко бежит,
как последние известья.

Утро на кухне

(Эпиграф из Высоцкого)

Во мне бубнит чужая речь,
она не может мне помочь.
Она в мозгу отыщет течь,
она мою отнимет ночь.

Я ноги в тапочки – она
на кухню тащится за мной,
и в чайник с розой ледяной
летят снежинки из окна.

Легко ж тебе, чужая речь,
как на пороге, в горле лечь,
как тот щенок, что твой "Маяк",
как хороша, что не моя,

как этот двор в окне рябит
и голый снег, как свет, горит,
как сводка новостей плохих
врасплох берет чужих-своих.

1988

* * *

Деревья к сентябрю теряют вес,
как в воду, в небосвод погружены.
И с севера доносится ответ,
когда на юг слова обращены.

Довольно было б, может, и одной
реки, как Волга – да не выдал Бог,
и далеко, из окон проходной,
предвечный лес, и поля долгий вдох.

А к ночи – двери настезь, ветер злей,
но все ж милей сердечности двойной.
Родившийся среди таких полей
не знает, к счастью, местности иной.

Лес вдалеке, как темный Спас в углу,
притягивает взор в дому чужом.
А выйдешь – белка чиркнет по стволу
и луч скользнет последним этажом.

1987-89
Ершово

* * *

*...Раздвижной и прижизненный дом
Мандельштам*

И ночью показалось в душном поезде
о чем и вправду было не пора,
пока вокзал гремел в прологе повести,
отваливалась грубая кора.

И чередой в окне пошли строения,
оглядываясь, торопясь назад -
платформы освещенной повторения,
на тыщу верст раскинутый посад.

Не страшно мне решать, кроша, коверкая,
сегодня жизнь, как летний сон, легка.
Лети над спящим лесом, пока верхняя,
на длинные ночные облака.

На свете только свет, двойные линии
электропередач в окне пустом.
Я знаю жизнь. Она - стихотворение
под небом временным, в пространстве обжитом.

* * *

Еще чуть-чуть - и я достану:
с утра на цыпочки привстану,
а к вечеру и дотянусь
до чуткой холки нежной елки,
иголки самой верхней, колкой,
себя внизу забыв, коснусь.

Все утро жалобы гармонии,
и волновала на ладони
недлинной линии длина.
А к вечеру - как будто выше
себя самой, как будто с крыши -
дорога, дерево, луна.

Как будто ты уже на склоне
лет собственных. В пустом вагоне
остался, умный, в дураках.
В окне все так же - но иначе.
Кому сказать, что путь не начат
и силы прибыло в руках?

После потопа

Ты жив. Но неочнувшейся земли
так жаль. Еще темно вдали.

И ты, в карманы руки заложив,
шагаешь прочь над обмороком нив.

Гроза прошла, и умер царь лесной.
Поляны, перемазанные хной,
дымятся,

и на западе ночлег
блестит, как свежеструганный ковчег.

И под ногой, прозрачней и нежней,
безропотнее дождевых червей,
без кожи и без края перегнутой.
Играет радуга. Шагает новый Ной.

Легко, в карманы руки заложив –
как новорожденный шагает к тем, кто жив.

И вымытые тучи вдалеке
бегут строкой на древнем языке.

* * *

В птичьем небе – благодать
невесомого покоя.

И не хочется гадать,
отчего оно такое.

Реактивный самолет
чертит мостик над вселенной –
как соломинку кладет
над водой самозабвенной.

Небо в марте! тот, кто зряч –
и не просит, и не судит.

Несчастливый черный грач
улыбаться сердцем будет.

1985

III. ВИД ИЗ ПОЕЗДА НА ЗАКАТЕ. Америка

Блюз пешего хода

из гаражей выезжают машины
спереди важно садятся мужчины
(но иногда – и дамы)

правую ногу согнув в колене –
все буквально, даже тюлени,
втискиваются – и выезжают из гаражей

это неважный, как все, но пылкий,
хмурый такой городок, и жалко
утром его покидать

я оглядываюсь на знаки
СТОП – и мимо иду; собаки
спят, и никто не лает

это сулящее вечер утро,
как разворачивающаяся сутра:
прохладно, чисто

это райская жизнь, и значит,
все мы в раю, вот и птичка плачет
в дереве красном

1994

Не хочу

Не хочу ни фана вашего, ни шалостей,
дайте мне, пожалуйста,
просто доползти до воскресенья,
уж коли будет мне такое везенье.

Чтоб всю ночь лило, а к утру – капало,
и ни человека, ни вокабулы,
только б эти капельки и вякали
двух- и трехголосное и всякое.

Мне бы вроде одиночки, но без пыток чтоб,
да без этого, без вашего "а ты-то что?"
Я валяюсь, как Емеля, прямо с вечера.
Уходи себе, неделя, не отсвечивай.

Вон, поэт с поэтом, словно муж с женой, идет.
Воробей сидит на ветке, повышенья ждет.
Будто бы не все равно – рысак ли, пони ли!
Объясняли нам, а мы не поняли.

А пойду – ведь спросят: "Что запомнила?"
Вот, окно запомнила, заполнена
была комната окном, и в нем бело.
А за ним-то, может, ничего и не было –
как камин фальшивый: нацарапало
что-то плоское. Оно бубнило, капало.
Ну, лежу. Не спится, не читается –
это воскресенье начинается.

1994

Шесть с четвертью

Пришла, теперь стою,
плачу. Потом стою
и ожидаю сдачу.
На что я время трачу.

Холодный день пришел.
Но он уже прошел.
Была бы из Заира –
не звали б меня Ира.

Поедешь вниз: метро.
Поедешь вверх: светло.

Не надо убиваться,
а надо наслаждаться.
Гляди, грачи летят,
остаться – не хотят.
Сойти с ума на службе
занятно. А по дружбе
сходить с ума зачем?
То был ничьим, то всем.
Перрон в бессмертье подан,
он пуст, покуда полон.
Я так могу нести
до десяти шести.
И то – часам заплатка.
Легка моя палатка.
Я у Тебя в горсти.

1995 Нью-Йорк

Осень в Михайловском

На коряги, на ковриги наступали мы в лесу.
Мы не жгли плохие книги, мы не мучили лису.
Мы такое время года обнаружили впопад,
чтоб горящее с исподу само плыло в самопад.
Это кто летит навстречу, мы его перевернем.
У него изнанки нету, только стороны вдвоем.
Нету тайны, нету пытки, ветер дунет второпях:
этот прыгает на пятке, этот едет на бровях.
Отчего так много пятен, очень много синевы?
Мы невнятен и, наверно, незанятен, как и вы.
Ты зачем, дурак, гордишься, ты такой, как мы, дурак.
Ты на то, что мы, садишься, то же синее вокруг.
Мы не будем разрываться, внутри нету ничего,
только эху разрыдаться *мимо дома ничьего*.

Снизу желтый, сверху синий, фиолетовый венец.
Мы спокоен, мы свободен, мы спокоен, наконец.

октябрь 1995

* * *

Что в рифму гудеть нам, когда не слышать отголоска?
Ума и обмылка не сыщешь,
ни мысли обноска.

Записки в руке не удержишь, о дружбах забудем.
Где вывесок пыльный рубин –
там фотографа бубен.

Хоть как поглядеть нам хотелось бы на поколение,
хоть горечь почувствовать, что ли,
хоть сожаленье.

Как будто всех вместе небесные твари украли,
лучом ослепили,
и с палубы гладкой содрали.

Болтайся же, судно, по водам одно, без команды.
Другие пришли, на коньках,
как к себе в Нидерланды,

и катят, за руки держась, нашей рябью как сушей...
К стене отвернувшись: "Не хочется, – скажешь, –
не слушай".

1995 Нью-Йорк

После эпитафии

А. Сумеркину

Что – *при музыке?* такая, значит, музыка.
Батарея, раковина, мусорка.
Вхлюп уходят дни мои несметные:
в сток уставлюсь, как те – в дали светлые.
Меня женщиной родили, слово жуткое.
Уголовщина, татарщина. Ну, утка я,
а не селезень. Добро б одна лингвистика –
высохну ведь, ни цветка, ни листика.
Говорят, я в детстве была тихая.
Я и помню: было тихо. Тикало.
Двор корябал по стеклу московской коркою.
А теперь я – что, скажете, громкая?
Ну, при музыке, она одна товарищем
будет нам, как понесет пожарищем.
Говори со мною, жизнь, музыкой выпренной,
так все легче званой, может, избранной.

1995 Нью-Йорк

Я тут звалась, а ты тут звался.
Кондуктор брал мой проездной,
моей руки слегка касался,
румяный брат его родной
в дверях стоит, слепой от солнца.
И мы не товарняк с рудой,
и наших жизней волоконца
в забавный связаны узор.
Мне зимний ужас кроманьонца,
разборки мировой позор –
понятней, чем закат линиялый,
германский розоватый вздор...

Нет, прелесть местности унылой,
а не унынье просто так:
бежит... ушло... и стало мило...
и нам вот этот перестук
среди течения чужого –
чтобы в окне, к окну впритык –
приют убогого чухонца...

1995

2. ИЗ КНИГИ «ПРОСТЫЕ ВРЕМЕНА. Америка 1995-2000

I. ПОСВЯЩЕНИЕ

* * *

М.Жажояну

Сегодня видно далеко,
далёко видно.
Но то, что зрению легко, –
ногам обидно.

Опять к тебе я не дойду,
видать, по водам,
Свободы статуя моя,
моя свобода!

По радио дудели: дождь,
а тут – погода!
Всегда я знала: не придешь
встречать у входа...

Раздетая братва на трап
ползет, смелея.
А я на эту резь да рябь
взглянуть не смею.

Когда б могла – я в их толпе
плыла б, глазела,
потом на голову тебе,
как птица б, села.

Ах, если бы – в бинокль, очки,
как эти гунны,
играть с тобою в дурачки,
с дурой чугуновой...

Затем, слепцам, нам этот стыд,
слезливый, ложный,
что на божественную ты
глядеть не можно.

Держи дистанцию, храни,
стой, где маячишь!
Лишь в отдаленье, как огни,
ты что-то значишь.

Я шлю тебе свои стада,
даров подводы,
по трюмы полные суда
моей свободы.

2 апреля 1996

Почтовое

За год они приблизились настолько,
топчасть в прихожей писем, натываясь
на собственные локти, наступая
на туфли и непарные перчатки,
что стало невозможно брякнуть слово,
не сделав стилистической ошибки.

Вначале это было непохоже
на то, чем стало, – потому что стало
той скорописью, милой для обоих
(как и для всех, к такому жанру склонных),
когда казалось, им одним понятна
дешевая податливость цитаты,
в течение фразы камешек блестящий,
следы заминки, оборот обмолвки –
не синтаксис, а знаки препинанья...
но по углам, прикинувшись плащами,

накидками, – прислушивались тени
без имени еще, уже печальны.

Чуть задохнувшаяся, но родная,
одежда на крючках еще хранила
с владельцами, владелицами сходство,
как вдруг опасно стало оглянуться –
и все это уже однажды было,
как зеркало с подсвечником в передней.

Так им мерещился, как рыцарь при доспехах,
подслеповатый образ постоянства,
спасительный, хоть пыльный, наблюдатель.

И даже это так напоминало
какое-то неполное бывшее,
как циферблат, размноженный без толку,

что было б непростительной ошибкой
пускай хоть это, где мы оказались,
где я так не хотела оказаться,
мучительное тесное пространство,
где натыкаешься на "ты", как некто
на пьяного наткнется, извиняясь,

отдать, оставить этот полустанок
площадку вымысла, ступеньку легкой лести,
богатства неприкосновенья, эти
пустые ласки, полые как гнезда,
как с патиною лист, *осенних листьев*
мою любимую (а ты?) сухую тему –

как променять звучание на звуки,
разведки, вылазки – на грубую атаку,
молчанья круг, веселое паренье –
сменить на то, что, подойдя вплотную,
вслепую тычется, мычит или лопочет ...
о милый мой, мы там уже бывали.

Не нужно молний страшных по ущельям,
зеркальных стен в паденьи одиноком,
а в них опять свое же отраженье,
не нужно знать, как влажны эти сланцы,
чтоб эхо "я" звучало отовсюду –
последняя, недорогая буква...

И если ты исчез, как будто губкой
проехали по списку смертных, – кто же
тогда тебе все это пишет, кто мне
напишет, отделяя запятой,
(как угол завернулся), *дорогая?*

май – июль 1997

* * *

Бог знает, что себе бормочешь...

Вл.Ходасевич

Четверг, тебя убили в понедельник.
Я поняла во вторник, что тебя.
Вода текла из крана. Притупи,
прошу тебя, не жги так долго, больно.
Четверг, уже четверг. Мне все равно -
как будто в мелком я стою течение.
Как медь в воде, теперь блестит значеньем
любая мелочь – как в плохом кино.
К какому безопасному, какому
свести тебя безвестью чердака?

Четверг, Четверг, как мне без Четверга?
Тебе-то как – по воздуху глухому?

Мне жутко думать, как идешь домой.
Дурацких звезд вокруг, как чьих-то денег.
Как полицейский, ночь тебя разденет
холодными руками, мальчик мой.

Почем ей знать, что сам себе бормочешь –
оглядываясь, в пустоту скользя,
в которой бормотать уже нельзя.
Я чувствую, как уходить не хочешь.

Июль 1997

Август. 40

Памяти М.

Мой краткий брат, мой кроткий собеседник,
ровесник мой и совесельник,
мой ясный разум, проводник, порука,
плачет подруга.

Где говор нежный, где моя забота,
где мой Четверг, где праздник мой, суббота?
Скажи теперь: ну с кем зажгу я свечи?
Стою, как в Сечи

последний иудей. Стою, мне больно.
Вокруг трава, слова – всего довольно,
вино, Манук, бумага. Хлопнет почта –
вот это то, что.

Не пять четвертых, как же так, не брубек,
а меньше единицы. Твой обрубок,

скажи теперь, кому скажу смешное?
Все стало – мною.

Вот поезд в поле – вижу яркий прочерк.
Одно тире осталось мне, а прочих
не знаю их. Зачем, сыграв *поэта*,
ты сделал это?

Я здесь, а ты? Всего тошней от неба.
Тебя там нет – ни с нимбом, ни без нимба.
Безумных звезд не спит Совет Верховный.
А ты, греховный,

уж точно, далеко от страшных окон.
Но знаю – и не под землей твой кокон:
земля тверда – не нам с тобою, мямлям,
уйти под землю.

Куда же ты, к какому ты пекину?
Как все покинули – так я тебя покину.
У той реки, где забывают весла,
не ищут смысла.

Все это что-то значило, но если
и был какой-то смысл – так это в смысле,
чтоб было бы теперь, не тронув локоть,
кому оплакать.

Ты полюбил однажды эту рифму –
она твоя, Манук. Ее, как гривну
блестящую – в пустую плоскодонку, –
тебе вдогонку.

8 августа 1997

Жизнь в июле

Жук жужжал.

А.С.Пушкин

Малознакомые шары
валяются на пыльной грядке,
на нас не падкий дождик редкий
зайдет во двор, расчешет прядки
ну, повесит мишуры.

А ты – за Фебом-дураком,
туда-сюда, как заключенный,
и днем, и ночью, кипяченный,
ходи, ходи себе кругом,
цветочной пылью золоченный,

раз угораздило на юг.
Земля родит, как помешалась!
Все, что в суглинок помещалось,
наружу выперло, мой друг,
все вылезло, любая шалость –
бежал на север мой конек,
и вот на юге мой каурка –
хоть косточка тебе, хоть шкурка:
тут деревом растет пенек,
там – весь курильщик из окурка,
как витязь, лезет. Жук жужжит.
Трава растет – ее пинали.
Ваш друг под соснами в пенале,
как вечное перо, лежит.
Тарелка плавает в канале.

июль 1998

* * *

Пусть никогда не приду в себя,
пусть мне не ведать, пером скрипя,
как вырываются из репья,

пусть не собою до смерти слыть,
пусть у полпота каналы рыть,
пусть из забвенья вовек не всплыть,

пусть не посметь мне тебя назвать,
пусть недопивки себе сливать,
пусть никогда мне любви не знать.

Хоть захлестнусь я своей тропой,
хоть я услышу, как врет любой
праздник, который ушел с тобой,

пусть ни в одной, ни в другой стране
не пропустят тебя ко мне,
пусть захлебнусь я в своей вине,

пусть наорут на меня: "Отверг!"
ангелы, уводя наверх –
только б услышать: ты жив, *Четверг*.

июль 1997

Июль

Послушай. Вот. Такая, значит, вещь.
Не нам глядеть на твердь, гадать о тверди
– не потому, что там твердят о смерти,
не потому, что нам о друге весть.

Хоть голову закинь: от вида звезд
тошнит, как от правительственных окон, –
как заговор, как облитые лаком
затылки собираются на съезд.

Ты видел их пустые этажи,
их кошки-мышки, чай на полировке?
Равно бы власть – а то углы, уловки.
И *это* нами ведает, скажи?

Уж лучше равнодушие облаков,
и эти камни, как бы неживые,
и эти листья, листики цветные,
и в луже отраженье облаков.

К траве склонившись, легче по траве
глазам блуждать – не потому, что ближе:
здесь все тебя переживет, но ляжет,
и под конец тоскуя по тебе.

Но вот четыре месяца пройдут,
и матерьял потребует отбелки,
и по стволу пролившиеся белки
горячей лапкой по сердцу скользнут,
и я пойму – ты еще тут.

1997

* * *

Не в оцинкованное, с солью,
на кристаллический костяк,
а чтоб космической молью
проело звезды на кустах.

Тогда между помойных баков,
как между бакенов, пройдем
на улицу, чей створ опаков,
и узок сумерек проем –

чтоб мостовую серокожей
к тебе придвинулось оно,
и стало до конца похоже
на черно-белое кино.

Уже ходульное любимо –
к чему бы это нам, дружок?
Ее холодная рябина
в последнем кадре, как флажок.

1997

Школьная площадка. Englewood Cliffs, NJ

Как лапку вывернув: "whatever!"* – и долой
подросток шлепает – пора и нам домой,
туда, где не споют: "А вон, дурак, пошел ты",
где черный бархат штор смягчает пламень желтый –
под лампу без шнура, в пространство без застав,
где, мимо пролетев, я трону твой рукав.

Твой профиль лунно-бел, твое лицо без черт,
как не тобой уже надписанный конверт.

Как мы нелепы там – как быстры будем здесь,
где светится в твоей ненужных писем десь.

Мы были comic – что ж, так станем – cosmic dust...
Но сфера пролетит, и нас дымком обдаст.

Как левая ладонь и правая ладонь –
рассвета бирюза, ультрамарина тень
несут ее в горсти, и быстро край идет –
где кобальт за уйдет, там бирюза взойдет.

Так может, смерть есть не исчезновение черт –
лишь упрощение форм, где мелкий профиль стерт.

Не дрогнет наш полет, и дым – не обольстит,
лишь только не смотреть, как океан блестит,
на ту, что наискось летит сквозь бирюзу,
звезду – насквозь подушку прожегшую слезу.

1998/2001

День, когда привезли рояль

Ты помнишь, на рояль квадратный
легла оранжево жара,
под лупою десятикратной
его дымилась кожура

облупленная, и прогреты
из окон охрою густой,
перекосились, как портреты,
квадраты света над тахтой.

Так жизнь текла, без перебоев,
едва на стыках сократив
как будто бы чужих обоев
все повторявшийся мотив.

Но ромбы светлые, квадраты

уже скользнули на узор,
и звякающие караты
из кухни вынесли во двор.

По-детски дачная рутина
свободой показалась мне:
тарелка с бледным Буратино,
укроп щекочущий на дне.

Ты умер в тот июньский, длинный,
не уходивший, как гудок,
а мне остался наклоненный
зари лимонный ободок.

1997-2004

Годовщина

Но я заспала этот час,
а годовщина совершалась,
И лодка черная неслась,
и дна песчаного касалась.

За нею след не заживал,
полоска узконожевая.
И, глядя в воду, ты сказал:
– Я кончился, а ты живая.

И полетел тяжелый снег
на сваи влажные вокзала.
Но никого уже из тех,
кто был с тобой, я не узнала.

Там кафелем календаря
пустые клетки отливали
в сиянье слабом фонаря,
хотя его не зажигали.

Он растекался по холсту
платформы, комкая белила,
где мы стояли на мосту,
наваливаясь на перила, –
над светлой горечью литой,
над щепок головокруженьем,
над уходящей вниз водой,
как над проигранным сраженьем,
и низких сумерек слюда
как лупа, приближала пятна,
где я еще плыву туда,
а ты уже плывешь обратно,
как спичка мокрая, скользя
под этот мост неосторожно,
и удержать тебя нельзя,
и вот, расстаться невозможно.

1998

II. ПОХОДНЫЕ ПЕСНИ И ПЛАЧИ

* * *

Моей дочери Саше Гончаровой

О, я люблю тебя давно,
мой терем с мордою комода.

Я, может, Гончарова, но
без Полотняного Завода.

И что? не всем же полотна
намеряно, зато как холодна
земля в снегу, как неумеренно
снежинка, обжигая, льнет.

зима 1999

P.S. да, я забыла:
и чиста
улыбка милого холста

* * *

А.Межирову

В полседьмого навеки стемнеет.
Я вернусь в городок никакой.
Пусть он взвояет, пускай озверевает
мотоцикл за Пассаик-рекой.

От платформы до серой парковки
– как пойду в темноте, пустоте?
По реке города, как спиртовки,
и над ними Ничто в высоте.

Никого моя жизнь не спасает.
Светофоры горят из кустов.
Это тихое слово *Пассаик*
пострашнее татарских костров.

Вы рубились на темной Каяле –
нам темнее знакомы места:
тут машины весь день простояли
у восточного края моста.

Все же странно, что с этой горою
неподвижной – по небу лечу.
Я примерзшую дверцу открою
и холодное сердце включу.

14 декабря 1995

* * *

Пришли простые времена,
а мы еще витиеваты.
Раскрой глаза, идет война,
растерянно идут солдаты.

Походная

И герои, героям вослед,
собираются – мол, за Еленой...
Раздвигают военный рассвет,
будто впрямь – мы одни во Вселенной.

Как по улице полк за трубой
вдаль протопал: печально и пыльно.
Эти песни о нас, дорогой,
оттого-то и больно.

Даже в этом кафе потому
нам сыграют почти духовую,
чуть советскую, знаешь, какую.
Чтоб одно к одному.

Вот, губу закусил,
отвернулся – обиделись, значит.
Никого, кто бы сверху спросил:
– Кто тут ссорится, плачет?

У кого так темно на лице?
...Напылили, листву посбивали...
То и будет в конце,
что и было вначале.

1994

Ветер

Сидите тихо, господа,
у них там ружья наготове.
И не играйте на гитаре,
и не ходите никуда.

Зачем крутится ветер в овраге?
Подъемля пыль, идут варяги.
Несут хоругви боевые,
корявые, как никогда.

Слышь, лес ползет, сухое днище.
Вот гнет сосну, что кнутовище.
Вот нож кладет за голенище
пока молчавший тамада.

Зачем бросать в бороздку семя,
зачем носить пустое имя,
зачем, зачем бродить со всеми?
Ведь ты один, как никогда.

1999

В югендстиле. Браунау-Ам-Инн

Ночевала тучка золотая
на груди у Гитлера младенца.
Кружева слегка приподымались
все еще далекой занавески.
Улыбалось ласковое чрево
мира, прогибавшегося к югу,
улетала чудо-занавеска.
То ей захотелось восвояси,
то скользила внутрь, на подоконник

налегала, словно это мама
гладила, скользя по одеялу
алою атласною ладонью.

Месяц нам какой апрель достался –
утренний, летящий, изумленный
Клинт червлёный,
и Бердслей червивый
тоненькой решетки на балконе...
Как живые, движутся обои,
как живые легкие картины,
кружево ласкает подбородок
и лучатся дыры золотые.
Полдень, словно радио, играет,
с нами ни за что не расстается...
Ночевала тучка где попало,
а проснулась – радио играет,
песни распевает из колодца.

2000

* Место рождения Гитлера

Blues

Памяти Э.Фитцджеральд

Вот опять закат ужасный, на стене квадрат пылится.
Уезжаю, уезжаю, стану уличной певицей,
отращу вот грудь и голос, стану уличной певицей.
На углу поставлю кружку, вот такое платье в блестках,
уезжаю, уезжаю, стану петь на перекрестках.
Пусть идут себе, не смотрят, стану петь на перекрестках.
Так и надо жить поэту, как сказал поэт поэту.
Как чернело на закате, загибалось по кювету,
как стемнело, я не помню, как мело меня по свету.

или бездомный вот обнимает урну
так домовито что рвется и где не тонко

1993

Автобус. Ньюарк, Нью-Джерси

Окно, газета, жара. Красот –
не видно. Черная женщина ест кроссворд.
По горизонтали: через проход
белая женщина ест кроссворд.
Август, с истории взятки гладки –
люди ложатся, как закладки,
прямо в анналы, минуя землю.
Я еду, едва приемлю.

Я еду, и это гетто
налево. Направо – где-то
по вертикали:
(сверни газету!)
печь за нами бредет по свету
желтая (справа как раз и жарко).
Жаль, эрцгерцог не знал Ньюарка –
тут его бы не откопали.

Тут заканчивается пространство.
Мусор пенится, как убранство,
кружево серое, как оборка.
Вот где жарко!

Вот где вышло нам мыть посуду,
а "раскладываться не стоит" –
кто ж спорит!
Околачиваешься повсюду.
Я не знаю, зачем автобус
вышивает по беспределу
свой стеклярус. Меня сей ребус
укачал, не того хотела.
Мы допишем свои граффити.
Если бьют – то уже ногами.
Я не знаю, зачем тут дети.
Уголь мажется по газете.
Жуткий звон, если кинуть камень.
Август 1993

Ответ

А.Селиванову

Бежит речка, как живая,
избегая общих мест,
Господа не называя,
крутит лист и камни ест.
Все, что знаем о свободе, –
из чужого словаря.
Ты скажи хоть о погоде,
но с другим не говоря.
Что – свобода? Ну свобода.
Пустота со всех сторон.
Мой глагол – другого рода,
оттого протяжней он.
(К этой строчке примечанье –
на окраине листа:
чем длиннее окончанье,
тем пустыннее места.)
Друг далекий, Селиванский!
Только воздух надо мной.

Слева берег пенсильванский,
справа берег – как родной.

Для того нужна граница,
для того я тут стою.
Вот летит большая птица,
я ее не узнаю.

1997

Без музыки

А.С.

В зеленых плакали и пели...

А.Блок

Скажи, а кто устраивает вечер?
Пришла давно, а никого не знаю.
Все разбрелись, им хорошо друг с другом,
зовут к себе, а я, поверь, стесняюсь.
Со мною друга нет. Со мною друг не ходит,
не ходит он, где я еще бываю.
А как кого зовут – я забываю,
и кто меня находит, тот находит.
Их лица озаренные, сквозь дымку
искусственного света, как на вече –
я их люблю, но близко к фотоснимку
не подойдет любовь, темня далече.
Как в поезде, как ложечка в стакане,
торчишь вот так, ломясь посередине.
Так свежесрезанный сидит в своем ульпане,
по пояс в зелени, башкой в ультрамарине.
Ну, выпустили рыбку, а куда ей?
А лбом в стекло, улыбкой об улыбку.

Зеленые бегут-бегут за стаей,
раскачивают синие, как зыбку.
2000

Шесть (нет, семь) отрывков

А.С.

1. Портрет ветки

Посмотри наверх – вон,
вон она скользнула

а за ней другая

смотри не моргая

2. Портрет

Трудись, мне говорили. – Я тружусь
Я *тороплюсь, не торопясь*, как папа
наказывал

Ты, - говорил он, - шляпа!
Какая же я шляпа! – говорю

3. Опять почти без названия

Со мною вы, мои труды и пни
пруды и дни в подслеповатой чаще -

меня, такой живой и настоящей

вы знаете одни

4. Из Гете

и от созвездий
устать впору –
как от известий
бежишь в гору

под ноги глянешь
полюбишь глину
вниз гляжу
и люблю долину

5. Из поэта

Ну, жил, как жил
Ну, долго жил и точка
Осталось там?

Да вроде как моточка
два-три
ну, этой, пряжи

Какой, скажи?

«Скажи, скажи». Не скажет
Вот разматается – и сразу на пол ляжет

Свяжи. Нет, развяжи. Да нет же...
зачем так туго?

Кто этопрял?

Кто это прял, небось не взятки брал -
но вышло хорошо и даже длинно

6. Из другого поэта

Вот небо, синее с исподу,
вот сверху – черное до дна.

Не пой же, дева, про свободу,
она другому отдана.

7. Посвящается подписи

Я расписываюсь так
и так

и вот так
потому что пуст,
а то полон,
то пуст мой верстак.

Вот моя подпись маленькая,
а вот – вот какая,
а вот печальненькая

1999

Поэт и слависты

Суровые слависты
сидели на суку
(и люстра, как монисто,
текла по потолку),

все почему-то парами.
Докладчик взял стакан.
Сюда б цыган с гитарами!
Нельзя сюда цыган.

Ни музыки, ни пения
не будет нам в конце.
И не было волнения
ни на одном лице.

Ты в кресле словно в проруби,
торчишь - а там зато
швейцары, словно голуби,
гуляют без пальто,

такси руками голыми
ловили просто так
и сумерки лиловые
проплыли, как пустяк.

1998

* * *

Н.Горбаневской

непоющий певец и ручья не прошел
как анапест тяжел он сидел на коре
он как птицы не пел он как жук многокрыл
он копил под оборками звук настоящий
отзывался в коробке безокий язык
никуда не ушел он не сжал кулака
тридцать лет и три года сидел и смотрел в облака

1999

30 декабря 1996

Проснись средь шума городского,
гуденья низкого, какого
уже двенадцать – больше? – или
уже не помнишь, как мы жили.

Как долго, как же долго длится
мое блаженство, шевелится,
сквозит колонна занавески,
скользит кольцо, и едут лески.

Пока еще не встал с постели
и нам еще не показали,
что там, внизу уже родится,
а только штору, ветку, птицу –
проснись, в одну уставься точку,
вяжи узоры в одиночку
троллейбусов, трамваев, звяков,
чей голос всюду одинаков, –
проснись в орехе Вашингтона,
в зеленой мякоти уклона
в грядущее, скажи кому-то,
кто рядом, лучше – никому:

– Отели с панорамой дымной
не город видят анонимный,
а облако – *лети, минута*,
ты никуда не улетишь.

Чем пасмурнее – тем прекрасней.
Она не начата, пока с ней
сей шторы тюль, и что-то в кадке –
намек, что смертны да не кратки.

Декабрь 1996

В подъезде

С. Чандлер

Спустись по лестнице, отстань
от няни. К батарее встань.
И в сон тебя потянет, в сон.

Окно морщит, как целлофан,
на подоконнике стакан
и трупик варежки чужой.

Две птицы есть на свете, их
сегодня нету. Их двоих
сегодня нету во дворе.

Вода морщит, как 33,
и ты в пальто стоишь – смотри:
неглубоко, но ты внутри.

2000

В ПОДЪЕЗДЕ

С.Чандлер

Спустись по лестнице, отстань
от няни. К батарее встань.
И в сон тебя потянет, в сон.

Окно морщит, как целлофан,
на подоконнике стакан
и трупик варежки чужой.

И столько света над водой,
в листве, изученной тобой -
с разводами стакан пустой.

Две птицы есть на свете, их
сегодня нету. Их двоих
сегодня нету во дворе.

Там лужа плющит фонари
и ты в пальто стоишь – смотри:
неглубоко, но ты внутри.

2000

Памяти «Иллюзиона»

Да лишь асфальт шероховатый
и черно-белое ситро.

Висели разные плакаты
у разных выходов метро.
И были всякие уловки,
чтобы запомнить, где какой,
и у стеклянной остановки
автобусные рокировки
внушали смутный непокой.

Ты никого не растревожишь,
пожалуйста, не продолжай,
воспоминанья не подложишь,
как ты его ни наряжай.

Не видит прошлого картины,
кто голову не поднимал,
а только на одну картину
зрачок землистый поднимал:

а только в горку, по панели,
по сумеречной грязи он,
как рядовой, стремился к цели,
и тихо лампочки горели
над крепостью "Иллюзион".

1997

А. Сумеркину

А вот – советский подстаканник,
такой серебряный, такой
с венком тяжелым многогранник,
с лозой медлительный Джанкой.

Всю ночь, в купе, не зная тренья,
он тихо ехал и дрожал,
и в синем свете звякал, тренькал,
а вот теперь – подорожал.

На нем так выпуклы и гладки
узоры страшного литья,
что сразу вспомнишь эти грядки –
чего же улыбаюсь я?

Ах, милый Сашенька, мы тоже
со временами не в ладах,
с угрюмой нежностью под кожей
анахронического "ах".

Из времени любого выпасть
легко тому, кто налегке.
И вот стоишь, как гордый витязь,
но с подстаканником в руке.

Как будто бы из верхних ванн –
из будущего натекло.
Но в наших дружбах антикварных,
как в складках времени, тепло.

Меня забыл амбирный город
со страстью к золоту в реке,
татуировками исколот
на полустертом языке.

Но каменного истукана,
как прежде, я не признаю.
Как подстаканник без стакана,
чужому миру предстаю,

как разлетевшийся посланник
– ах! – шлепнулся перед пашой,
как сей нелепый подстаканник,
но только с женскою душой.

* * *

Перелески в окне – как реклама на длинном плакате:
разбираешь под утро, а сложишь уже на закате
то, что может сойти и за смысл, если круглые даты,
а замедлится если – то ели стоят, как солдаты.

До того, как войдет проводник с неизбежным вопросом,
ты умылся и едешь под голубым купоросом.

Только утром, пожалуй, и смотришь с таким интересом,
словно тут ты живешь, за каким – все не выберешь, лесом.

Но полуденный мир поражает подобьем устройства.

Переехав, ты только удвоишь размеры изгойства.

Разве ноги размять или яблок купить, а отстанешь –
только бабки останутся, сам же козленочком станешь.

Примеряйся хоть сколько к чужому вприглядку, вприкуску –
не ухватишь всего на ужимку, утряску, утруску:

то луга, то стога, то снопы кувырком, как попало,
и лесок на стекле, и закатом горит одеяло.

Как печально чайнок вращенье в стакане граненом,
в этом свете, с востока зеленом, а справа каленом,
отставая повсюду, как есть без меня оставаясь
– не сегодня, так завтра – какая им разница, то есть.

1999

Гром в марте

А тут опять весна, воздух скрипит сырой,
ветер такой в грудь, будто стучит: открой,
слабая тень косит, вбок бежит,
испаряется жизнь, плохо лежит.

Я стою под столом, надо мной стол,
гром рассыпает, как ртуть, бильярд.
Будто один остался мужик – во дворе столб
посреди барахтающегося белья.

Вот из заплат атлант выгибается, вот колосс,
вот над кормой летит парус с прорехами.
Кто до свету рожден – до темноты попрос.
Ехали мы с тобой, ехали и приехали.

Ах, как хотят жить! - так хотят пить.
Но идут к реке в сапогах котят топить,
где, угрожая, тебе говорят: мать,
где нелегко жить, легко умирать,
в тех краях, где воздух трещит, как холст,
где за холмом холм, на холме погост,
где, как дыра с дырой, с тобой говорит март, –
там поймешь, что никто не мертв.
Вот и хватит ваять – ветер, ты лепи.
Нечего нам вещать, множить вещи.
Ничего, ничего в груди, кроме любви,
Тяжелеющей, отсвечивающей.

1999

На дороге

Маме

А что еще осталось? – а завязать узлы,
в две-три ладони – щепоть золы,
и все, что там мелькалось, запрятать в зрачок
и – в карман пяточок.

А что еще осталось? – а неусыпный свет,
невидимый уму,
скользящий вслед.

И все, что не сказалось, не скажем потому.

С темным смыслом, как с кринкой молока,
выйду на дорогу:
рассвет, река,
под ногой дорога.

Русским утром тучи идут.

В доме спят, никого не ждут.

Так не гневайся, туча, что черно окно.
На запад, сказано, тёмно, на восток – темно.

Смысл божественный, в сумерках молоко.
Ты не гневайся, туча, что глянула далеко.
По лиловой дороге, кто знает...
– Скажи ж ты мне, кто уезжает?

1989-90

* * *

Пространство, я тебя не опечалю
еще незавершенностью одной.
Недовоплотившись, как отчалою?
Не береги, побудь еще со мной.

Лиловое течение Куро-Сию –
вот так блестят такси на авеню.
Как, милое, ты в сумерки красиво.
Повремени, и я повремению.

Так путник на закате одеяло
скатает, обернувшись на посад, –
там облако, как Троица, сияло,
но все погасло пять минут назад.

Что возвращенья может быть глупее?
Но если это так, то отчего
твой образ, как монета, голубая
на самом дне смиренья моего?

2000

* * *

Маме

сегодня ночью проложу
по нашей улице следы
куда хочу туда хожу
такие ровные ряды

вы говорите: много тут
живет, а я не вижу вот
мои следы туда идут
а вот идут наоборот

а больше просто вот ничьих,
ни песьих и ни птичьих да
вот мои наоборот
за четвергом бежит среда

вот так и мы (сказал бы тот
поэт, чей так люблю стежок)
вот так живу как будто вот
моя земля и мой снежок

и до меня тут никого
со мною тоже ни следа
и я назад по целине
где кончились мои туда

3. ВОЛК. Повесть в четырех главах

1983-2007

Пролог

ВОЛК ТЫ ВОЛК ВОЛК
ОДИНОКИЙ ВОЛК
ВЕСЬ ТЫ ИЗ УГЛОВ
ТАК ТВОЙ ЧУБ СЕД
ТАК ТВОЙ ЛУЧ ОСТР
ЛЕГОК ТВОЙ ШАГ
САМ ТЫ СЕБЕ ОСТЬ
САМ СЕБЕ ПОЛК
ОТЧЕГО ЖЕ ТЕБЕ ШАХ
ВОЛК ВСЮДУ ШАХ

ТЫ НЕ КОЛОС ОСТЬ
СИЛЬНАЯ КОСАЯ КОСТЬ
ДЕНЬ ТЕБЕ НЕ ИДЕТ
ИДЕТ НОЧЬ
ТЯЖЕК ТВОЙ УСТАВ
СТО В НЕМ СОТЕН СЛОВ
В СТО ЛУЧЕЙ ДЕСТЬ
ДА РАЗЖАТА ГОРСТЬ
НЕ СРАСТАЕТСЯ У ТЕБЯ
В ГРУДИ ШРАМ ШОВ

ИЗВЕСТКОВЫХ СКАЛ
НАД ВОЛНОЙ ОСКАЛ —
ТАК ОСКАЛ БЕЛ
ТАК ТВОЙ ВЗОР СИНЬ
МНОГО ЛЕТ ЗИМ
ТЫ ВО МНЕ ЦЕЛ
ЦЕЛ ОСКОЛОК
НЕТУ У МЕНЯ ВОЛК
ДЛЯ ТЕБЯ СТРАШНЫХ СЛОВ
НЕ О ТОМ ТОЛК

НЕ *любовь* — ТЫ
В ТВЕРДОЙ СКОРЛУПЕ
ТАК ЧЕРНОЙ ВОДЫ

светят сколы
вот по белой тропе
озарен луной
шерстью злостью всей
светишь в сто свечей
я хочу к тебе –
сводит скулы

весь ты мне в масть
моей жизни ость суть
нежный стержень
слишком долго ряжены
мы ходили волк
мимо скважины
ничьего я ребра
да назад пора
долог долог путь
вглубь в твою грудь

Глава 1. В ВОЗДУХЕ. 1983-1984. Москва

Любовь

...перебирая четки пустяков –
обмолвок, взглядов; мятых лепестков
замучив миллионы; от свиданий
страдая; год
из четырех углов
следившая,
и двух не молвившая слов...

Тебе – семь чувств

~

Ты пришел, естественно, с востока.
Как ты светишь истово, жестоко,
ненавидишь, стало быть, луну.
Добрый ты? Тебя я не пойму.

Ух и горячо в твоей Сибири!
Лучше грех носить, чем эти гири
снега на груди. А ты горишь,
говоришь, все время говоришь.

Вломишься – ну где твои манеры!
Глянь – медведь глядит в миссионеры.
Душу мнет и так и эдак: что ж,
слепок грубоват, зато похож.

~

Вот что значит: «душ переселенье» -
в душу из души! Вот что веленье
значит сердца: сердцу моему
и уму - «постой, сейчас пойму!»

Сам себе истец иль настоятель –
дело темное. Но точно: постоялец

в еле поспевающей уже
задыхающейся - за тобой – душе,

верно, женской, и почти покорной.
В комнате остывшей и просторной
Чисто вымел - и исчез. В углу
книжка рваная и солнце на полу.

~

Твой закон теперь и мой закон.
У меня к тебе такая вера –
говорю с тобою языком
первого пришедшего размера.

Что там стыд, когда лишь только тронь
день любой – тебя, тебя трезвонит.
Горлом речь твоя идет, ладонь
обезьянничает о твоей ладони.

Ты мне солнце застишь, и впотьмах
чувствую седую прядь сухую.
Имя колкое щекотно на губах
и смеется утром в поцелуе.

Июнь 1983

Колыбельная с отгадкой

Слова, что слоны,
вереницею длинной
за сонными снами ушли,
и тихо цеплялись
к троллейбусным линиям,
и синие факелы жгли.

Трубили трамваи,
боками качая,
об обетованном депо.
И пахло Китаем
и байховым чаем
весеннего неба дупло.

И будто светало,
хотя не светало.
Хотелось забыться-уснуть.
Но света для этого
не хватало,
и штора завесила путь.

В рубашке мерцающей
ночь собеседница
сидела в ногах, босиком.

О ком бормотала,
умаявшись, лестница?
Ты знаешь прекрасно, о ком.

1984

Моцарт

17-й концерт

- Но пьяное от восторга осени
дерево, мне за тебя боязно!
Слушая с грустью твои возгласы,
думаю: как выживешь паузу?

Ибо страшен не шаг, но пауза.
Будто тебе говорит «вот так-то»,
жизнь идет, вопреки разуму,
как двигатель четырехтактный -

не запаздывая, но без пользы.
Дерево, пьяное от восторга,
сбросит листву – с собою возле
вижу свет на углу Мосторга.

Это как будто толкнули маятник -
когда в просвете жизни взглянет Бог.
Тебя у тебя самого весело отнимая,
идет, расширяясь кругами, любовь.

"Воспоминание об Альгамбре", этюд тремоло для гитары

– К тебе на грудь!

на снег слетает лист.

Как ученик, склонился гитарист
над декою, щекою оснеженной
такого города, где ты – и где тебя

нет. Упаси нас от соседства –

вернее нету средства для разлук.
...Слепят глаза карнизы и полпредства
в известке снега.

Запряженный звук,
моргая, тащит сердце против снега.

И в душу просится словарь волны и берега.
И на столицу пялясь, как турист,
троллейбус тянется – усердный гитарист
гриф проводов терзает.

И разлука

нелепой кажется.

А небо кажется доступнее тебя.

Душа, сжимаясь до размеров звука,
что, днем и ночью стенки беребя,
в ней свил гнездо – узнает ли тебя?

Из цикла «В паузе»

1

Бог судья тебе: льешь на меня вар.
Жизнь провожу под твоей стеною.
Валяй, возводи свой ров и вал,
в бойницу следи за мною.

Это уже не обида, это – гнев.
Но предать тебя было бы – снять осаду.
Против тебя идут, подавая мне
стрелы – Зевс, Ра и Астарта!

Я так давно за тебя бьюсь –
в щит твоего неба, в стекло пустое
Может и вправду жизнь без тебя – есть?
Вдруг – я оставлю тебя в покое?

2

Уходи, уходи, улетай.
Я тебя не встревожу ничуть.
Это просто - оборванный край
неба
    лег на железный путь.

Никого уже не обманет
"как-нибудь".
Провожавшему в горле станет
в город обратный путь.

Уплощается в перспективе,
упрощается даль.
Нам иронии не хватило -
вот печаль.

В воздухе - запах льда, и он
может тебя нести.
Летное поле - как ладонь
разжавшаяся: лети

1983

Весенний крик воробья

Забывает маяту нелюбви к себе святую,
отторгает пустоту – кто прожил свое вчистую.

В этой местности чужой, в пестроте лугов астральных,
забывают холод свой посреди кустов хрустальных.

Вот я воздух ем, лечу, у-лю-лю кричат с земли мне,
и щекочет по плечу частокол колючих линий.

Вижу краешек зимы, вижу черноземов паюс,
поднимаясь над тобой, не собой – тобою маюсь.

Ветер перья шевелит, реет дождь аэрозольный,
душу-зернышко болит легкий звон страны озонной.

*– Нюхай корку, свежий край черных зим, суглинков красных,
рыжий ворох собирай дымом пахнущих согласных.*

*Знает пригород с травой, небо низкое рябое,
как с неангельской трубой ворочусь я за тобою.*

1984

Глава 2. 1997. Америка

* * *

По двору, по канаве, трубе,
по унылому, в пятнах, ТВ,
по топтанью у рампы подъездной –
я скучаю, мой друг, по тебе.

Может, это лазейки ГБ,
или это жалейки БГ –
я сыграла б на балалайке,
я скучаю сейчас по тебе.

Эти встречи в подземной толпе,
эти драмы в подъездном тепле,
расставанья столбняк – оглянуться
было больно, мой друг, – а тебе?

– в ноябре, октябре, сентябре –
эти звезды, луна и т.п.,
эта оторопь ночи морозной –
это все возвращалось к тебе.

Кому чайник, и след на столе, –
а нам – свет на последнем столбе.

До свиданья, мой друг, до свиданья –
хорошо ль тосковать по тебе?

По Васильевской, как по тропе.
Фонари в изумрудном тряпье.
Всё-то в мае твоём и июне
посвящалось бы только тебе.

Уезжай, никого не губя,
и живи, ни о ком не трубя.
Забывая, мой друг, забывая,
привыкая к себе без тебя.

1997

Глава 3. РОЖДЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ. 2001-2002. Америка, Москва

* * *

Что-то улицы вскочили,
вытянулись в вышину.
И хозяйева внутри
на подушки полегли
и оттуда фонари зажгли.

Ну так я пойду скорей,
я пойду скорей гулять.
Ток идет из-под асфальта
от стопы до лба.
Так меня никто не слышит,
только улица одна –
хоть гуляй себе до света.

Только я хочу вернуться,
я хочу пойти домой.
Чашку чистую и блюдце
я найду и чай себе налью.
Будет щелкать батарея
и под чайником цветок.
Буду, крошки подбирая,
буду крошки подбирать,
разговаривать с тобой.

Но в моих глазах остался
черной улицы осколок.
Или лампочка над мойкой
слишком ярко мне горит.
Вот вода из крана вьется,
я смотрю не отрываясь на нее.
Льется, льется с того света,
из-под липких плиток пола, из всего, что там под полом,
как игла.
Я не знаю, как она меня нашла.

Naägen-Dazs. 9 апреля 2001

Вдруг потеплело, это мой дэ рэ.
Гляжу – вокруг Ван Гог, а не Доре.
Мой друг забыл, но, главное, здоров.
И то – пасхальный пыл, таянье слов.
Растаяло, в моем кафе тепло,
вон ямка на столе от зимних книг.
Ушла зима, сквозь окна утекло,
в окне разводы, я смотрю на них.
Не гоголь-моголь зимний – нет, Ван Гог:
в стекле мазки летят, как лепестки.
Пора отваливать на воздух, на восток,
готов возок, и деготь, и свистки.
Апрель поднимет грязно-серый стяг,
а я увижу нежно-голубой.
Так выйдет засидевшийся в гостях,
тугую дверь закроет за собой.

* * *

Один – едва ли не говорит с Богом,
другому приходится говорить со мной.

Так и везут меня, цугом, цугом,
везут, везут корочкой ледяной.

Так новорожденный смотрит на небо: невод
веток движется – сетка над глубиной.

Длинная ветка

сбоку заденет повод –
первый споткнется, выругается второй.

Желтый круг вверху, вокруг треугольник:
если смотреть, не шурясь – уводит вон.

Во поле одинок, лежит на спине невольник,
руки раскинув, и шарит по воле волн.

Медленнее, как в песне, вези, везенье!

Вольному воля, а ноша не тяжела.

Бывший весел, как утро на воскресенье,
нынешнему и глина под ноги, как смола.

Следом тележным – летом, под зиму – санным...

Но наклонился третий, забыт, не зван.

– Тряпочка голубая – что это: саван, саван?

– Нет, дорогая, не бойся, это Севан, Севан!

Вермеер

Чердак сиял.
Черпак сиял.
Сидел чудака,
В упор глядел.

*(А может, то была чудачка.
Дабы начать, нужна раскачка).*

Сиял чертог.
Сверкал сапог.
Да кто бы то
Представить мог!

*(Дверной затвор не дал осечку,
Последний луч скользнул за печку.)*

Закатный пыл –
Смелей белил,
Позолотил –
Да и в распыл.

*(Кого не звали – вот, явился!
Качался колокол, свалился.)*

Вот и домой
Пришли, родной.
На что мы день
Убили свой?

*(Как мы топтались, луч закатный –
Кто невпопад, кто на попятный...)*

Вечерний зов
Небесных сил.
Кто захотел –
Тот и простил.

* * *

Ну а теперь – как назовем?
Каким заботливым, нетрудным,
нетребовательным словом?

Какою лентой обовьем?
Держи покрепче, осторожней –
а мы немного отойдем
и поглядим отсюда, сбоку
(ты слышишь: я сказала "Споку"! –
тебе подходит быть отцом).

А мы аквариум поставим
и быстрых рыбок заведем.

Утайки юркие, урывки
украсят годы нищеты,
и корм сухой полюбят рыбки:
ни "ю", ни "эль", ни зги, ни зыбки,
в том имени не будет "ты".

* * *

А вот так и любим –
что неважно: а я-то любима?
Сегодня мне б это мешало.
И правда – легко ль кораблю
на встречные волны взбираться?

Я тебя не леплю,
я тебя никогда не лепила –
потому-то и знаю: *любим*.

Отчего же виной
отзываешься, болью такою?

Отчего не помыслю без боли
такой поворот?

Отчего не лицо мне маячит –
до верха застегнутый ворот?

Как будто раскрою –
там дырка от пули *люблю*.

Мотив

Каждое мгновение – прекрасно.

На моем велосипеде лес блестит.

Все так ясно, все предельно ясно.

Только май, а мелкий лист летит.

Будет еще май, июнь с июлем,

но не слейтесь, милые, в один.

Порулить дадим осинам-елям,
каждую отдельно разглядим.

Все в ажуре, в кружеве-ажуре,
если влезть под леса бахрому.
Свет мой в изумрудном абажуре!
(Ты кому это? – Я это никому).

Рифму я возьму совсем простую
и слегка колеса разверну,
и проеду по тропе в густое
в эту ли, другую сторону.

Не хочу я паруса и бури,
только вот немного спиц и игл,
и пускай гремит в пустой лазури
рокер, одинокий мотоцикл.

21 сентября 2001

Ну, хорошо, пускай уже не светит,
ну, как водится,
пускай не светит свидеться,
и то, что вырисовывалось –
съежится,
все съежится, скукожится, не сбудется
– но почему – или мне только кажется?..
– и даже если не насытится чудовище,
упиться новым зрелищем готовясь,
а только лишь еще сильнее насупится,
из чертовых ноздрей пуская дым –
(вот так? и это – все?) –

не сбудется
и не придется мне тебя коснуться
– то отчего, скажи, там что-то светится
и я так ясно слышу шорох моря?
И почему я точно знаю
– нет, не кажется! –
как лопнет зло, мазутом растечется,
мы выйдем из волны, как чудо витязи,
и каждый всех спасет и сам спасется.

* * *

Н.

Петр и Павел час убавил.
Светлячок летит без правил.
Кто-то умер в этот миг.
Может, это был лисенок,
может, это был лесник.

Я лежу в траве, так надо,
в темноте, почти что, сада,
надо мною ель – как ель,
у меня одна цикада,
не цикада, а свирель.

Кто свистит и кто стрекочет –
времени ценить не хочет,
потерять боится нить.

Он, как кречет, рвет и мечет,
если чуть поторопить.

В полдень окна бьют тарелки,
в полночь тик-так это стрелки
тихо движутся в траве,
тише газовой горелки –
хорошо, их только две.

Но рассвету их стаккато
пиччикато, пиццикато...
– О, не заходись, поэт.
На безмолвный виновато
смотришь снизу силуэт:

это ель моя, с наклоном,
нечувствительна к уронам,
тем похожа на старух,
что не внемлет метрономам.
Это абсолютный слух.

Говорят вам: Петр прибавил,
а убавил точно Павел.
Было медь, а вот и жечь,
а потом заря и пепел
кроме жизни-смерти есть.

* * *

Как армия, легко вооруженная
фонариками – светляки в подлеске.
А я иду совсем не уstraшенная
и не держу в руке сверла, стамески.

Я вдруг одна осталась одишенька
в ночном огромном опустевшем парке.
И не болит моя , подбита, ноженька –
а раньше и хромая бы к парковке

так дунула б! Вот, думаю, не веришь мне.
Возможно, у тебя есть основанья.
И чем ты меньше веришь, тем ты бережней –
вот это выше моего сознания.

Какое небо светлое пустынное! –
уже серебряно, еще чуть чуть лилово.
Ни облачка, ни страха – первозданное,
ни доброго, ни злого-золотого.

Я обернусь: дорога с выкрутасами,
на галечник похожа отдаленно.
Да, вся она как русло меж террасами
и я ей улыбаюсь удивленно.

Река Седло течет по руку правую –
вот почему я вспомнила про русло.
И никого – а ведь не страшно, право, мне,
и ты не веришь мне – а мне не грустно.

Фонарики идут за мной под ветками.
Бандиту не достанусь я и зверю.
Не убежу...не убедю тебя ответами,
но оттого тебе сильнее верю.

Мне нравятся слова "да полно, полноте".
А вот и пруд, недвижимых уток россыпь.
И я стою тут, как в огромной комнате –
отдельная, но небольшая особь.

Ключи мои звенят-звенят кифарами,
но ни одна не обернется утка.
Я ахну, осветив их сбоку фарами.
Ты б видел, как тут весело и жутко!

В сумерках

...Прошлой ночью – страхи-пряхи,
позавчера тоже крохи
собирали, вот и поза-
позавчера сны неряхи –

рыбки мелкие – сновали
по ребристой твердой мели,
всё напряли и связали,
всё, несмелые, посмели.

А сегодня день на грани,
жемчуг сумерек в стакане,
остывающий, молчащий,
дом похож на поле брани.

Света стан, стакан граненый,
дом, к пучине накрененный,
металлические вещи
тают сталью вороненой.

Дело в пуле, не в калибре.
Дни попадают, как кегли.
Стебли никнут, петли скрипнут,
на груди молчит колибри.

Паче плахи – оплеухи.
Безнадежно речи плохи.
Кто и мухи не обидит –
удивляется разрухе.

Кот приносит вещь из сада –
поиграть немного в Сада.
Ночь – моя, а дни чужие,
а чужого мне не надо.

День упавший, как заколка,
в ночь с подкладкою из шелка...
Нитка жемчуга порвалась,
было крупно – стало мелко,
было глубоко и грустно,
стало холодно и быстро.
Жизни долгой голос нежный
возвращается напрасно.

Таежное

Хороша, хороша по тебе тоска,
как сухой костер или треск сука.
Так вплотную к огню подошла тайга,
не поляна – а вверх труба:
тяга хороша, точно жгут, туга.

Будто не живу – за тобой слежу,
не топчу листву, а плашмя лежу.
У, гудит в груди, вьется пламя в жгут:
у тебя ж – по земле сужу –
тот же гул стоит, так же яму жгут.

Ах, не хворост жечь, а с тобою лечь,
чтоб не в землю стон, а прямая речь.
Чем сто лет жила – я б давно сожгла,
за вменяемую б сошла,
да все лезут полешки в печь

Кузьминский лес

Скоро уже я тебя возьму
И меня у тебя возьмут.
Кликни какого-нибудь Кузьму,
Спроси их, куда везут.

Славно запутывала я след.
Долго могла не сметь.
Но за тебя я пойду на смерть,
Тебя отпущу на свет.

Мне ли осилить свою судьбу,
Ей ли меня в смолу?
Я свой соленый дощак смолю,
Я не боюсь Саму.

Добрые люди помогут нам
За небольшую мзду.
Ну же, пожалуйста, дай мне нож
Или сам обрезай узду.

Я смотрю на тебя, на свет.
Я ее не боюсь.
Те, без которых нам жизни нет –
Без них нам и смерти нет.

Романс

На мотив Стивена Хокинга

Гори, мой свет, сгорай –
теперь уж без остатка,
узнай, звезда-загадка,
как близок этот край –

не мироздания, нет,
а поджидавшей черной
дыры любви упорной –
твоей любви, мой свет,

как в предпоследний миг –
неслыханная милость,
как все переменялось
у самых губ моих.

О белый звездный газ,
свечение длинной кисти
и стрелка на запястье
почти у самых глаз...

Нас тащит за собой,
раскручиваясь, ворот
в полураскрытый ворот
рубашки голубой.

Изогнутых лучей
последнее мгновенье.
О свет исчезновенья
двоих в груди твоей.

Рождение вселенной

Сложи свои карандаши
в гремящую коробку.
Дыши себе иль не дыши –
в стекле ты, рыбка.

Как этот свет после дождя,
вмурована в "Аиде",
плывешь, руками разводя,
с собой в разладе.

И выдыхает свой петит
пузыристая ранка.
Все смотришь: где она летит,
смерть-самобранка?

Ты думаешь, что ты одна
в такой стеклянной тверди,
что ты ее прошла до дна
под марши Верди.

Но рыбка инь и рыбка ян
– одна с другой вселенной –
друг к другу бросятся в тоске
слепой, мгновенной.

Ты будешь вся в его груди,
в иссиня-черной тверди,
он будет весь в твоей груди,
соленой глуби.

То вырвется всего одно
звено из долгой цепи,

и полетит, посвящено
лазурной цели.

И все что недо-перелет,
что было: чет и нечет –
движенье в мокрый отольет
блестящий мячик.

И он пойдет наверх, наверх
еще быстрее звука,
и выгнет выпукло разбег
сила-разлука.

Но перед тем, как без следа –
в лазурной и зеленой,
он станет светлой, как слюда,
новой вселенной:

волны оборчатой изгиб
стеклянный, пенный,
вращающийся, новых рыб
летащих полный.

* * *

Я летела на запад, я убегала от солнца.
Недалеко же я убежала от солнца,
солнце нагнало накрыло меня.
Тень удлинилась, когда я ступила на берег –
у тени были твои очертанья.

Качаясь до пят, планер, летящий на запад,
скользя над тобою, блестящим,
распластанным в темной воде,
амфибия вышла на сушу,
солнце лежало вдали на востоке...

Блестел океан, плавники расправлял амфибрахий.
Предо мной сияли и таяли быстро следы
стольких-то – вскользь – восемнадцати – лет,
когда ни поверхностью глаза, ни в мыслях
не смея коснуться, не смысла в песке ничего...

Я отодвинулась – вещь, заслонявшая солнце,
мной оказалась. Я посмотрела на руку:
стала трехмерной, розовой и прозрачной ладонь,
луч проходил ее с силой, как щит океана.
Ноги ушли в нагревавшийся быстро песок.

Из окна самолета

Это бадья выступает из ночи. *Влас*
написано на воротах.

Это сердце мое отстает. Сейчас
я догоню, уходя от вас.

Ворот скрипит, ускоряясь, падает камень вниз.
Я склоняюсь над ним лицом пустым.
Так уходит твердь из-под ног, жильё из глаз,
дым разговоров, отечества, просто дым.

Это утес выступает тупым углом:
не обойти, так и стоит в груди.

Тающий в небе росчерк: это тебе – углем,
мелом сказано же тебе: уходя – уходи.

Если смотреть, не отрываясь, глаз
звезды увидит в виде сплошных полос.

Это созвездье тихо течет Волос,
это я ухожу от вас.

На, раскатывайся, сверхзвуковым ковром!
Чтобы ни звука жалоб, ни
слез никаких, а медленно, как паром.
Косо, как берег, уходят от глаз огни.

Чем от огней дальше, тем ночь светлей.
Сверху короче свечки воткнутых в грунт осин
– так что почти различаешь кривой нагар.
Пар подымается от трясин.

Скрипнут ворота, скажут "не ворочусь".
Но повернется, встанет углом скала –
вдруг подойдет к окошку восток, чуть вкось,
согреет лицо розовая зола.

Так откроешься, дрогнув, бледным еще лесам
наскоро сшитым горячим стальным нутром.

И развернется веер, и поднесет к глазам
ладонь раскрытую аэродром –

заспанное хозяйство, бегущих рабочих, заборы, ангар скобой,
скошенный щит, пыльную горсть берез,
зданье отлетов, зернистый асфальт – с тобой
отдельно от всех, с мокрым еще от слез.

* * *

Жизнь моя подходит к середине.
Я взойду на синюю скалу.
Стану я спиной к своей родине.

Поняла не рано и не поздно,
что других не будет, ты один.
Слишком долго слезно жили, розно.

Ты один, как перст, среди былины.
Я сойду со склона в глубину,
словно в грудь твою, в туман долины.

Так все и сойдется, как к столу,
спешно связывая нити жизни длинной,
больше не существенных годин.

Я себе когда-то предсказала:
"ворочусь с неангельской трубой".
Я уже вернулась за тобой.

Над пашней. Без тебя

Это тебе прогудит дыра,
ноль, ноющая пустота:
все, пора, иду со двора.
Песня моя проста.

Это, волнуясь, тебе зюйд-вест,
быстрый курсив борозд.
Ветер над нивой несет невест,
на голубой норд-ост.

Значит, это еще на год,
зимний голодный год.
Наше солнце встает, Урон.
Ветер несет ворон.

Даль обретает твои черты,
тратит твои черты.
Не отчаивайся, молю! –
ноль прогудит нулю.

Даль подмигивает: мол, ну,
я хорошо видна?
Я отпускаю к тебе волну –
полой идет волна.

Ангел мой, как ее ни спой –
ввысь норовит, наверх.
Песня приходит к тебе пустой,
легкий пустой конверт.

ГЛАВА 4. НА ТВЕРДЫЕ РЕКИ. 2002-2007. Америка

***

А у нас, Никола́, ни кола, ни двора, но, мой свет, собираться пора.
И неважно куда, ибо да, Никола, тут дыра, говорю, там дыра.

А над нами нора – ах, какая нора! – только рано туда, до поры,
да над нами вдали – голубая гора – не полечь бы под этой горой.

То, что было со мной, стало нынче не мной, скоро будет какой-то рассвет.

Вон, как снег, изумленно блестит под луной голубой, голубой антрацит.

И не витязи мы, от зимы до зимы по железной равнине скользя,
но отстать от себя – это будем не мы, нам с тобою такого нельзя.

Наша песня стара: выдавай на гора, разворачивай недра с утра,
а под нами гудит голубое ядро, но дотуда добраться хитро.

А дотронусь до теплой рубашки – там ты сквозь негромкую темную ткань,
и волна золотая заходит в ладонь, твой родной негасимый огонь.

Там горячее узкое тело твое, там земная гудящая ось,
и железо, и никель в ядре голубом, и неоновый стержень насквозь.

Это пламя двойное из печи двойной и в отверстую грудь из груди,
и зияет обрыв у меня за спиной – все-то, значит, у нас впереди.

Повесть

В лиственничнике,
в сосняке,
на лестничном сквозняке
было мне-
ну больно.
А у вас свет горел, вбивал клин под дверь.

А за дверью вы были,
ты был -
ух ты, как твердый знак,
стоял, как ель или пихта!
А моя жизнь крошилась, мел, лифт ходил, гремел,
падал в шахту.

Было - ну и былъем.
Ну, не было нам вдвоем -
что ж теперь.
Было и увело, ну, увело -
сразу набело.
Свет бежит, реку рябя.

Я в дверях стою, я тебя люблю,
я вернулась.
Сумерки. Мы
в подъезде твоём,
на лестничном сквозняке -
тут до темна светло, точно в березняке.

Осень в дубовых лесах

Любовь дареная

- как ты

поникла! словно лютик
в стакане с меткой
присохшей пасты

- помет

пролетных чаек над причалом
мазки завязтых маринистов
перил белила
парапет

- Нет

на сердце ее – ищи свищи
иди насвистывай Причал
Ты помнишь “Осень” Казакова?
Накрывай на стол,
встречай подругу Нелюбовь.

Пойдем

Пойдем туда, где реки тверды,
где от беды
не отбирают шнурки, ремень.
Там я буду тебе опора
я буду тебе кремень.

Видимо, нужен какой-то край
земли, воды,
где обрывается каравай,
где опадает дверь.
Скоро нас будет два, нас будет две.

Ты раньше меня пришел, и глаза открыл.
Над тобой тотем
молчал - сиял волчих созвездий круг
и посреди горел
желтый огонь. Долго ты был один, затем

(один - и сквозь стрехи пихт
смотрел наверх на
нетронутый кобальт – черно-лиловый снег -
рваных небес края)
затем появилась я.

Пойдем туда, где, будто выпал снег,
звезда нема,
и музыка, моих губ гармонь
немы там, где откос небес,
там, увидишь, ты станешь опять кремень.

В черной коробочке тверже алмаза лед,

он оставляет след,
Господи, на Твоей шкале -
талой воды алмаз,
наискось падая, гаснет, сгорая в лес.

* * *

Как ни царапай сердце лес – в лесу
нам жить теперь, друг мой.
На отчужденья полосу
приду я, как домой.
С волками я молчать, и ты не выть,
и ты учись молчать.
По-волчьи знать, по-птичьи пить
и больше гнезд не вить.

Круг

Так долго вместе прожили...

И.Б.

Мы прожили почти... Но в круге
нас не было, мы были за
- в моей Твери, твоей Калуге
- в твоей Твери, моей Калуге,
в начале, то есть в эпилоге
в окне твердела бирюза.

Нас прочило друг другу столько
вещей, добытых не трудом...
И эта шаткая постройка
уже постольку стала: дом.

Мы прожили... Прожили. То и
останется, что сможет - без.
И кто те слившиеся двое,
не поделившие небес?

4. ИЗ КНИГИ «ПУТНИКУ СНИТСЯ».

Америка, Москва. 2001-2002

I. НА ТЕМУ БРЕДБЕРИ

* * *

Моя фамилия с русалочьим хвостом
со мной беседует, признаться, не о том,
в чем ей бы захотелось признаваться.

Но синяя сверкает чешуя,
раздвоенное на конце блестит *ая*.
– Какая глубина ей отзовется?

Ловите вволю – выскользнет легко,
неважно, хоть Гвидон или Садко
или с садком сидит любитель рыбы,
но отодвинетесь – и к вам она прильнет,
лучом звезды сквозь толщу вод кольнет
под нежные нетронутые ребра.

В середине ночи посреди реки,
царапаясь о ржавые крюки,
едва плеснув, появится в передней.

О, не зефир она так жадно пьет,
когда холодный бакен обовьет
с пупырышками краски прошлогодней.

Там черный горб плывет, и из горба
так музыка горячая груба,
певица так косит под Дженис Джоплин!

– над бездной неглубокой, но родной,
идет, идет Титаник, сорт второй,
вдоль берега, где крест полуутоплен.

Но чем глупее, может, тем сильнее
та песенка сжимает сердце ей.

Она вдохнет – и вынырнет у борта,
дотронется – и рядом поплывет,
уводит вверх, от океанских вод,
от глаз тяжелых масляного morto.

В рассветном жемчуге, за ними, но без них,
в опасной близости от вспышек и шутих,
танцующих, шатающихся палуб –

с запястьем, перевитым голубой
травой придонной, с бедною, любой
волной всклокоченною, падающей *на* лоб –

– плыви, плыви,
я буду ангел твой.

Конец света

Да нет же, это время так же нам
принадлежит, как вот луна...

Я говорю, что время несводимо
к тому, что слышит вечером жена
от легшего с газетой нелюдима.

Он ей подробности неслабые дает,
последнюю ужаснейшую сводку.
Она – тайком к дверям – и в мусор их несет,
и сверху для надежности – решетку
(ее никто не видит, лишь луна)

и – мельком – на луну и дом соседний.
А завтра день последний настает,
а к вечеру он снова предпоследний.

7 сентября 2001

Луна

какая нынче! будто жар у ней

Новолуние

С.

Вот и вошло
тусклого золота выгнутое из ножен
вынуто
как и обещано, слева,
выложено по черному ситцу.

Вот и покрылось,
как и завещано,
гласными всеми что есть именами,
вот и раскрылись,
рассыпались по небу святцы.

Вот и неважным
стало: "никто мне не нужен".
Ходит волной за стеною
смутно знакомое, слева, бьется, как о волнолом,
но слово какое случайное кажется: "сердце"!

Вот наклонилась,
в узкое горло жизнь пролилась –
но ничего не наполнилось
и наполовину
не сдвинулось, не изменилось
с нашим приходом-уходом –
тварью небесной
легкой-тяжелой, с бурым ли алым ли крестным
тусклым исподом
с такой-то судьбой ли укладом.

Что означало
"верю", к примеру, "не верю" –
если всю темную билось о волнолом,
в непрозрачную стену, но выгибалась, не поддавалась стена
дома с единственной дверью?

Земля

«Чего одна природа – ты давай про нас!»
– так Гильденстерн и Фортинбрас,
топчасть в прихожей,

ворчат, загородивши дверь.

За дверью топот.

Так грузчики, кряхтя, внесут наверх рояль –

не мне на шаривать педаль,

я нот не знаю.

Так всадники, возделывая лёсс,

бьют землю в грудь, как дети.

Пыль конская, спрессованная в лёсс,

плюс то что ветер унес –

песок газетный,

вернется в пах долины, уж потом

попрет из розового жерла.

Хоть застели весь пол, а то – базальт плато
или асфальт. Надень пальто.

Дурит жистянка,

но пусть она сама себя играет –

в газетах все, Горацио, читай газеты.

Да, я упряма, да, я на том стою,

то бишь, на чем стою, пою,

а если лягу –

то слышу гул – но вглубь, на много миль...

вот – мой Шамиль, мой щит, мой Израиль,

мой жар, мой голод.

На тему Бредбери

Зачем стишок я сочинила?

Зачем я карандаш чинила?

Зачем чернила разлила? –

В сугробе пальма расцвела,

и на руках моих чернила.

Вот март явился из потемок,

стоит за дверью, как потомок

в кембрийском венчике хвощей.
Хоть как убог, хоть как негромок –
ты нарушаешь ход вещей.

Промолвишь "о", утопишь клавиш –
ты не фигуры переставишь,
а свет и тень на тень и свет,
такую тень, что свят-свят-свят,
какую никуда не сплaviшь.

А тот, кто нами сбит, обманут,
чью память чтить, поди, не встанут?
Кто там ютился на полу
имел семью, еду в углу? –
Недаром Брэдбери помянут.

Так кто же дал нам это право?
Молчание твое лукаво.
Не вмешивайся и таи, –
сказал поэт. А от струи
кастальской – поверни направо.

Так нет же, он охоч до знака!
– Замри, стило. Свали, писака! –
Да он не слышит ничего!
Кроту и ласточке его
он выход завалил, собака.

Нет, буду нем. Я буду рыба.
Я буду так (поэт, спасибо!):
"Моей не будет тут ноги".
Все, я снимаю сапоги.
Как говорится, либо-либо.

...Я не нарушу дня завесу.
Сестрой не веку буду – лесу.
Так, завернувшись уголком,
киномехаником влеком,
двуликий лист неведом весу.

* * *

Ручей, впадающий в прохладный узкий пруд,
хвощи, вьюнки в подслеповатой чаще,
косящий берег, стебелек торчащий –
когда вы развернулись на восток?

Я не заметила, как длинный день истек
и вытек в океан, слегка горячий.

Вы, папоротники, вы, хвощи и пни,
заждавшиеся моего прихода.

Как долго были без меня, одни!

Но вот я здесь, и стали вы "природа",
и тянется счастливая подвода,
и я гляжу на вас, несчитанные дни.

Как долго длится третий акт! – и тут
не твердь перевернется кверху дном
– блеснет и треснет, дуб исторгнет "Брут!",
грозою рассечен до корневища..

Опаздывая, гром приводит тыщи,
Но главные герои все умрут.

А я гляжу, но больше не дивлюсь.
На озере намедни птицы дрались.
Я тоже прячусь и к тебе клонюсь,
осока узкогрудая vulgaris.
И на меня те хляби низвергались.
День удлиняется, я с тенью удлинюсь.
Все в униформе, гуси полетят,
я поднимусь за четкими полками,
с такими же, как лапки, сапогами,
или рябиной – встану в четный ряд,
рябиною, с плодами невпопад –
и погребу неловкими руками.

Сумерки в парке

Утка стоит на краю водопада
профилем гордым "не больно-то надо".
Все ее родичи сбились поодаль.
Ух, демонстрирует удаль.
Это плотина, хотя небольшая.
Зябко от зрелища всякого края.
Пена кипит не шутя, но, похоже,
утка спокойна – а женщина, все же!
Медленно кушает, интеллигентно,
хвостик и ножку отставив пикантно...
...Мимо бегут бегуны дорогие,
все мне родные, немного другие.
Тапочки с ласковым шарканьем, топом,
икры, облитые лаковым потом.
Заяц тревожный похож на оленя,
смотрит, в траве по колени.
Сумерки. Все тут, похоже, при деле.
Так ли бывало в родимом пределе?

Все мне родные – и утки, и зайцы.
Что ж, и китайцы? – Ага, и китайцы!

Я же – от лени своей отдыхаю
тем, что ей больше еще потекаю.
Даром балде достается работа:
шесть не сойдет, и в седьмой – не до пота.

Если бы знали, ах, знали бы если
все мои мысли – нет, даже не мысли:
дно шелестящее, думы двусложные,
весла ленивые, стебли подкожные!

Отражения

Бежали мышка и полевка.
Сидел рыбак и рыболов.
Была хорошая поклевка,
Но нехороший был улов.
Того, кто в ряске – нужно лаской.
Он знает – но ему горит!
Пускай дурак посвищет леской
– Немногих он уговорит.
Пред ним легонько воду тронет
Жук деликатный плавунец.
*А жук второй под первым тонет,
Вниз головой, глядит, не стонет.*
А кто ловец и кто живец –
Немногим ясно, что творится,
Да и творится ль вообще.
Он над ручьем сидит и злится,
*День длится, тень его двоится,
И значит, он уже троится,*
Как тот двойной шпион, в плаще

Переулочек. Москва, 2001

О.Е.

Ходит все с ухмылочкою,
с удочкой,
по берегу по переулку,
все высматривает –
гулко в переулке, глубоко,
тень почти до самого карниза.

Хилый переулочек,
горбатенький,
рыбки перехожие блеснут –
он одобрит или не одобрит. Он читает вслух
вдоль стены безудержные письма –
вот он, прошлый, сталбыть, век.

Медленно в листве, светло и быстро.
Ветку выпростав,
шелковый рукав скользнет до локтя.

В горло лезет тополиный пух,
тень волнуется и кружево сминает.
Жарко, – думает, – сейчас бы.

А вверху, над водами, двоится
главный Уловитель, он висит
в мареве, качающемся плавно.

То он близко, то он далеко
лик его изменчивый, как в линзе.
Но его не видит наблюдатель.

Ходит он с ухмылочкой московской,
солнечные блесна на стене
волокут невидимую леску.

*Плыви рыбка милая сюда
вот сюда а тут прохладней рыбка
глубоко тут нас никто не видит.*

О букве «х» и о русской просодии в связи с предстоящим приездом автора в Москву

Ах, мне ли, изваянной в прахе,
в священный войти Массолит!
Хороший размер амфибрахий,
он сердце мое веселит.

Он смелость придаст, он огрехи
катает подобьем рулад.
Что выдадут нам на орехи
- потратим на шоколад

Солохой ли, Андромахой -
что кукситься, локти кусать?
Я крикну восторженно : .. ...! –
вам нечего будет сказать

* * *

Ребенок, задержавшийся за дверью,
увидит в комнате, к полуночи войдя,
как взрослые без деток веселятся.
А он-то думал... только и всего?
Он думал – там таинственный, волшебный,
как мамины духи и как в шкафу коробки,
бесплотный невозможный праздник-мир.
А оказалось они просто едят и пьют и очень громко говорят
и красные глаза на красных лицах
и это всё

* * *

Я обожаю мою жизнь, она большая.

Даже когда на темя потолок
– или когда, стыдясь и поспешая,
проворный, но помятый мотылек,
по крайней мере, не вооружая
ни глаз, ни руку
(полетал – прилег),
почти (не смейся) не воображая,
лечу к тебе – а завтра поперек –
я знаю, что когда число проплешин
на крыльях
станет больше, чем пыльцы –
медалями, как прежде, не увешан,
на ровное, где ползают спецы,
(то дула чем попало заряжая,
то в трубы симфонически трубя) –
опустится и побежит, как может...

"...А у тебя, –
мне говорили в школе, – Машинская,
лишь взгляд и нечто" –

...стирая об асфальт – чего беречь-то? –
он тоже станет уличным движеньем
и божий одуванчик головы
раскачиваться будет с обожаньем:
ура! – туда, потом сюда – *увы!*

21 августа 2001

II. НОЧНАЯ ТРАВА

* * *

Сегодня дождь, и светится подвал
окном, задернутым серебряной травой.
Две жизни есть –

но кто бы знак подал,
куда еще деваться от второй?

Комната на закате

На диван свернешь – не спишься.
На обои пыль садится.
Книгу выберешь – не та.
Золотая от заката,
на стене дрожит верста.

Летний день длиною бредит,
кто-то дальний к нам не едет.
Спицы ходят по стене.
Утопая, на спине,
мы лежим на самом дне.

Наверху скользнула лодка,
доски днища ходко-ходко.
Тень склонилась над водой.
Кто в рубашке голубой?
Он в рубашке голубой.

Вон как волны дышат ровно,
и колеблется, огромно,
слабо светит статус кво.
Птичка шелкает подробно,
не упустит ничего.

Дно неровное покато,
сердце выросло, как вата.
Соскользая со стены,
спицы сыплются заката –
и выходят из спины.

Ты о чем, ундина, стонешь?
Не посмеешь, нет, не тронешь.
Смотрит в воду – что с того?
Есть защита у тебя,
нет защиты у него.

Ночь

Трава нетерпелива под стопой –
так неродившийся толкает с нежной силой.
Потише, – скажешь, – что ты, Бог с тобой,
я чувствую, и этого – хватило.

Но нет, не унимается. Права
качает как ребенок, больно,
и хочет сквозь меня расти трава –
и вверх, и вниз – и прямо! не окольно!

Невидимое солнце-колесо
и там, внизу гудящее, земное.
Куда же ей, и вправду, коли всё –
в светилах двух, загроможденных мною?

Ступни и корни – все тебе, трава!
Вяжи, вьюнок, точи ножи, осока.
Давай, раз-два, покуда я жива,
пока я мякоть – протыкай до срока.

День

Расслабленное лето – как лицо
Задумавшегося, о лице забывшего,
Как шелковый платок, течет в кольцо.

Но вдруг часы пробьют и разобьются
И снова медленно, так быстро воск течет
В подставленное небольшое блюдце.

Чуть пыльное, в неряшливой пылице,
До сумерек сухое, до поливки,
Едва моргнешь – оно уже в кольце.

Ночные стихи для Божьих детей

Летит тучка – не как те,
те летят на животе.

Ну а эта – серой калькой
так задумчиво скользит.
Звезды сквозь – о сколько, сколько! –
и само Само сквозит.

А под ней бежит крапива,
простодушная трава.

А она ее не видит
так – *едва, едва, едва...*

Только тень ее тревожно
поскользнется на траве –
то по коже, то подкожно –
кувыркаться так несложно
головой к голове.

Кто ты – воля или шалость?
Всё ты – или только малость?
Нищих красок побежалость,
нитка трещинки в окне.

Ты вовне или во мне?

А как Камена-то пойдет тузить Фортуну,
а та в ответ, не отвернув лица, теснить.
А мне-то между ними как, а мне-то как?

Весь в звездах снег, как негатив ночного,
а между створок – вот и ты, моллюск.
Но чудится простор и в этих скобках.

Так ночью упадает одеяло,
и ты, как градусник, лежишь на простыне,
под невесомым шелковым незримым.

Тогда теряют верх и низ свое значенье.
Где верхняя, где нижняя ладонь,
в которых так беспомощно покоюсь?

Но вот пройдет, и вновь они сойдутся,
и, потрясенный, в жалости плывешь
как в тепленькой воде, в безмолвной речи.

Нет, встать, одеться. Озеро замерзло.
Расщелины и гребни под ногой,
как маленький Кавказ для фаталиста.

Какое зрелище, не правда ли, Грушницкий?
Чуть сбоку глянешь: искра ли, звезда
покатится, как косточка, со склона.

А это небо светлое над нами,
как выгнутая кремнистая створка –
и что ты, мякоть, есть без этих скобок?

Чуть дунет – снимки по льду разлетятся,
Камена строгое отворотит лицо
от разлетевшихся по льду бессчетных листьев..

* * *

Небо, Ваше высочество,
поле, Ваше величество,
не переходите на личности –
зачем вам мое отчество?

Считайте меня горошиной,
вы все-таки не полиция.
Дайте побыть безлицею,
бесчувственной, скукоженной..

Периной прикрытой, ласкою
снежка – но деталью, заданной
поверхности. Вдруг угаданной
– и ни черты под маскою.

Зазубриной, заусеницей
на убранном поле, резкостью
вскрытой на снимке местности,
где больше никто не селится.

Чтоб ни черты под именем.
В пейзаже отменной ровности –
глядящей на вас подробностью,
свербящей: ну подыми меня.

Двум поэтам

До свидания, рабочие, незнакомые, толковые.
Плывет айсберг, прочь бомжовый откололся, уплывает топорок.
Впереди – глядит – ни льдинки: глади, глади, воды голые,
позади – ледовый купол, сверху маковый пирог.
– То Москва-роженица многоброва разломиться готова,
снежным валом городище, черным рвом обнесено.
А найдется мне родное – всегда хмуро, сурово,
я меж ними слабое звено.

Кто от целого отломится – тому полслова не обломится.

Разломился маковый, на лед просыпал мак.

А затрещали ворота, раскрылась пословица –
кому не сиделось – остаться не смог.

Удаляется ледник, слепит глазурь Василя,
уплывает обливной, сверкает – вон вы где!

Плоть от плоти ваших сил – мое блаженное бессилие,
горячо ему, осколку, в черной воде.

5. ЗАПАДНЫЙ ПОЛЮС

2002-2007

ТО, ЧТО БЫЛО СО МНОЙ

То, что было со мной,
стало нынче не мной.
Скоро будет какой-то рассвет.
Вон, как снег, изумленно
блестит под луной
голубой, голубой антрацит.

Как ресницы, ночной
загибается ветер -
это неба глубокого фетр.
Вот последняя миля –
смелее, смелей,
вот последний сквозной километр.

Это мятая тулья,
и кобальт ее,
и широкие с ворсом поля.
А по краю петит –
просто ковш наклони –
и полярная крупка летит.

Улыбка. 24 декабря 2003 года

Улыбка, выдолбленная в лице
глубокая лодка,
качается у скалы

лодка-скорлупка.

Ты покачиваешься у скулы,
скрученный хрупко
листок, свернутый, как ладонь
горстью, кротко.

(Так в деревянной болванке нож
найдет набросок -
так, пока еще никому
не нужный обрезаю,

робкая первая проба вод,
быстрая лепка,
выпавшая ресничка - вот
и закрылась скобка).

Лицо лежащее, как залив,
белым сколом.
Тише пепла, нежней золы
отзыв скулам,

шлюпка ищущая корабль,
- на ущербе
улыбка, гулкая колыбель
свет в пещере.

Лодка, на рассвете

Драгине Рамадански

Скороговорка, сороконожка ...Жива, каурка? - жива, конечно, жив, жив курилка,
куда ему деться? Еще тарелка цела из детских – хоть поцарапано цветное донце - вот:
цело - сыпется - полотенце бабушкино, светится, желтое, на живую - нитку, которую ее
пальцы... - я к щеке его прижимаю -

- так, шов нащупав, родную строчку, так просыпаешься снова, снова:
переплываешь ночную речку и настигаешь себя, как слово - чудом опять -
в свою, как в тапки, попав скороговорку (свернуть его - и под стопку крайнюю,
в темень на верхней полке) - передвигаешь из строчки
в строчку -

- так, себя же перебивая, из строчки в строчку перебегая, все в той же позе в окне, кивая –
жизнь! ты ветка в окне нагая, старая новая вещь нагая, с меткой ветхою бельевою 35-247,
так в сизой комнате с сильным днищем лишь знакомое сердцу ищем

ФИЛЬМ

Воздух дырчатый и улицы-закладки,
черный сахар, колотый кайлом,
и арифметической загадки
головокружительный излом.

Старый сахар с искрой в каждой лунке,
черный майский лед в углу двора!
Метра два нетерпеливой пленки
или только метра полтора...

Жизни оползень тут начался когда-то,
чернью на текучем серебре:
под галошей грязные караты
и лопата снега на траве.

Космос – это кучи льда и угля
свалены у северной стены.
Угол солнцем траченного дубля.
Я смотрю из брошенной страны.

Ода

Ты еще, как чужая, смеялась:
мол, не ведаем - вот и творим.
Но уже, как бумага, сминалась
моя жизнь перед взглядом твоим.

Ты не будешь ни зваться, ни сниться,
я не знаю в тебе ни аза -
лишь в кристалликах соли ресницы,
и в хрусталиках сини глаза.

Нас грузили на станции, дома,
нас остригли с тобой наголо.
Ты похожа на мальчика, *Ното*,
не похожа ты ни на кого.

Это были цветочки, виньетки,
бирюзовых небес купорос .
Но цеплялись уже вагонетки
и неслись, веселясь, под откос.

Нагружалось мерной тревогой
то, что раньше грузилось виной.
Всю меня ну, бери, а не трогай,
у тебя так со мною одной.

Я не встречи боюсь безрассудной,
не разлуки слепого нитья,
не разборки подробной и нудной,
ни забвенья, ни памяти я -

ты не будешь ни сниться, ни зваться,
только рельс полоснет лезвиё.
Бесполезно отыскивать в святцах
онемевшее имя твое.

Ты дала мне такую свободу -
не доверишь перу, топору.
Я тебя никогда не забуду,

имя ношеное не подберу.

***

В краю, где трудно сказать «еврей»,
поднимается ветер тугих дверей,
край земли начинается над головой –

и если и ждут меня, то лишь листва, стволы,
город как локти ставит углы –
снизу серый – и сразу вдруг голубой.

А за городом время после дождей,
глина кисельная в сто свечей
светится, как нигде.

Там запрягают долго и никуда
не едут. Там на дворе вода.
Там «расступись» не говорят воде.

Где тяжело человеку и хорошо стрижу.
Где я себя не вижу, – тебе скажу, –
и в этом нет ничего, нет ничего –

там, пока не рассвет – не отопрут засов.
Там еще пять часов шесть часов.
Ты спи – я начеку.

А по рельсам руслам вниз течет молоко
тумана: мелко, и вдруг потом глубоко,
в нем, далеко, как люди, идут фонари,

Там лес еще не разлепил ресниц,
хочешь – стой перед ним, хочешь – падай ниц,
хочешь – зажги свечу, хочешь – сам сгори.

Вражда

Когда пойду на Белую Орду,
где твердая вода
и узкие свои врата
мне отворит Орда,
и я скажу легко и веско: су.
Был долог мой разбег.
Я шапку страшную несу
тебе, как хан Узбек.

Гляди, река заснула на ходу
над нею туч слюда,
а я веду свою вражду,
как твердая вода
щитом идет на лежбища травы,
как я иду на ты,
под стягами моей, уже
ненужной правоты -

туда, где можно вытерпеть - вдвоем,
где ласточек чета,
где травит беглый окоем
горячая мечта
- как ни царапай сердце лес – в лесу
нам жить теперь, друг мой,
на отчуженья полосу
приду я, как домой.

Вот идет

вот идет за снегом снег
вот идет за дымом дым
вот идет за новью новь
вот идет за далью даль
вот идет за мифом миф
вот идет за нифом нуф

вот идет один саддам
вот идет еще саддам
это им не по зубам
даме говорит мадам
вот он враг за градом град
это холмы это снег

вот ползет разведчик лед
вот с горы сползает плед
вот поют печаль юдоль
вот плывет за далью даль
вон течет за новью новь
вот он точит сердце март

вот идет родной народ
вот идет дурной народ
вон идет за сонмом сонм
вот уходит всякий сон
вот во тьме поет комар
вот идет за миром мир

~

Разночинец первый снег,
всячины поверх -
сквозь рубаху из прорех
    смотрит тело сильное земли.

Это снега нигилизм
    говорит: я есмь.
Полна света пустота,
    светослепота.

Как впервые нас одних
    вдруг оставили детей -
одинок, как первый снег,
    ровный свет зальет глаза.

Но ветвится новый куст
    сам по себе, сам.
Он растет себе - и пусть
    ему нужно к небесам.

Что дано - уже дано,
    нам не стоит ждать чудес.
Вот железополотно
    пред глазами здесь.

Это исповедь - себе,

самому себе,
чрево белое кита,
слепоглухота.

Вот и волю наголо
обрили под ноль,
там вверху овал гало
а в нем никого.

Зеленые стихи

На жердочке качаясь, какаду
ведет существование от Адама.
- Я дочь, - кричит, - я человек, я дама,
зачем я в такт никак не попаду?

Закат сегодня зелен, как в аду,
на чьей картине - вспоминать не надо.
По теплomu в скорлупке авокадо
я осторожно ложечкой веду.

...

Сны в тропиках! Как будто в гамаке –
полубогиней, полубогдыханом –
под чем-то изумрудным, бездыханным—
и с косточкой горячей в кулаке.

На небе сполохи, какие-то хвосты,
и пальма в ступоре торчит, топыря пальцы...
Сны севера, угрюмые скитальцы,
спускаются неловко с высоты.

Там небо – лик, и бледное чело
касается закатного оклада.

Прости других, себя прощать не надо.
А я и не прощаю ничего.

Ли Цы и Ли Цо

Ли Ци
    безлиций
        на снегу улицы

Ли Цо без лоций, но
    как циркуль стоит
        в рубке

твердо стоит
    Ли Цо
        крепко

шатко бредет
    Ли Ци
        кротко

Ночная песня

М.Игнатьевой

Куда это? Ах, на уроки.
В кассетнике песня одна
звучала весьма караоке
и слева скользила луна —

как чья-то улыбка во мраке,
на черной зернистой земле.
Алмазные алые знаки
сверкали на правом стекле.

Елозила ночи суконка,
стирала с окна чернозем.
Знакомая бензоколонка

не знала, кого мы везем.

Наверх заскользила улыбка —
я вниз отвернула окно.
Вторая и первая скрипка
играли примерно одно.

Заправщик Махмуд из Карачи
спросил, отчего я бледна...
А я ему: да – и короче,
уже она слишком длинна.

Месяц растущий

- гавань небес
кобальта и сиены
ты выскальзываешь на бис
из глубины сцены -

тихая первая проба вод
быстрая лепка
волн под тобою, скорлупка - вот
ты, улыбка

Стихи для детей

И наконец он вышел из тумана,
чуть приоблатненный, с видом короля.
Из правого нагрудного кармана
наборный вынул ножик: вуаля!

Он раньше находил их постоянно -
один за лето, минимум, а то -

и два, и три. Теперь он постарел, но
не надевал ни шляпы, ни пальто.

Как быстро шел он коридором власти,
из этого конца пространства - в то
крыло небес уже вороньей масти,
спускался вниз и отпускал авто.

Он был и сам похож на перочинный,
на тусклое внезапное перо.
Он был нулем – и скоро беспричинно
он превратился в полное зеро

Заря в городе

Л. Пани

Выкатывается с востока

и озаряет на ходу
трубу, верхушку водостока,
кусочка крыши наготу.

Как мебель, сдвинутая в угол
при переезде, - город Н.
Но розовеет окон google!
На тумбах тающий Роден

осмысленные очертанья
приобретает вряд ли зря...
И тает тайна, точно тайна,
и удаляется заря.

Дома топорщатся, как триптих,
трещат сугробов короба.
И тут оттаивает критик
и бу-бу-бу, и ба-ба-ба

На границе

Г. Кружкову

Ноябрь, невеста в стеклянном гробу.
Просыпая крупу -
из подъезда – на свет – и наружу!
Ботинка носком - вот сюда - осторожно – слюду,
эту хрупкую лужу.

Все, тихо! Подходим к границе.
Граница в изысканной мгле.
Знакомая ветка висит в леденце-хрустале
и хрусталики ока ломают косые лучи,
словно спицы -

чтоб, руки расставив – как планер – по выпуклой глади -
- по тверди! -
скользил тихоход, а под ним – облака, набегая,
как дети, все ближе граница, все мельче
голубая, в морщинах, вода.

Присутствие

Один – что снадобье, что миру мумиё,
другой – как на забор идет бодливо - и тпру, и ну,
взрывая пережной -
и комья нервные направо и налево,
с корнями и травой

- и все связалось вдруг и назвалось.

А тихое присутствие мое
не вызывало ни шторма, ни прилива,
и ничего пока не взорвалось,

и слава Богу.

В волнах

Мне сегодня, дураку, дурново.

Поделом мне, дураку, говорю.

Пестрота какая тут, карнавал
парусов и больших кораблей.

Вон волна какая - словно волан,
с пенной сеточкой волна, с бахромой...

Как без нас уплывал караван
за палящею, за вязкой хурмой!

И любой теперь бархан будет - рок,
и горбы идут, горбы, как судьба.

Вот теперь тебе, дурак, и урок -
и урюка тебе фунт, голытьба.

(Усмехается тут кто? - я сама!

Я сам-друг и сам дурак без ветрил.)

- Не сходи ты, - говорил же, - с ума!

Я не помню уже, кто говорил.

У бортов огромных как дурново! -

Поплыву меж досок и пенных риз.

Сверху - гипсовой волны арт-нуво -
вверх и вниз я поплыву, вверх и вниз.

Не с лепниной, крутолоб, потолок,
не тяжелой - узоры - стены:

я в глаза ей загляну, поплавок,
наклоненной не ко мне глубины.

Хорошо мне, дураку, без руля!

Потеряла я тебя, рулевой.

Как вода, меня качает земля,
нетяжелый поплавок полевой.

* * *

Г. Стариковскому

- Ибо любая вода,
в тысячу ватт закат -

Понт:
горизонт

тем и чреват.

Знак бесконечности: бант,
дельты атласных лент,

глин
голубых

кожа, ладонь

дна, где любой - Гераклит,
скороговорки рек:

грек
или рак -

оба рекли.

В поле

А.С.

Пришей пуговку обметай петельку.
Стоит пугало среди поля
как само себя видит в телеке.

Мимо трейлеры фуры, тракторы,
трАх-тах, трАх-тах-тах мотороллеры,
-а в фарватере в пыльном ветере

стоит пугало пять пуговок:
одна в две дырочки три в четыре
а одна с обломанным уголком от наволочки.

После полудня туч наволокло –
Наволок волон всадников голов -
на восток несет стадом войском.

Как *пажааалуштаа* - эхо донеслось
ворон кинулся Но не пролилось ничего -
поле сжалось да лес придвинулся.

2006

а у забора – сеча.

6. ГОБЕЛЕН

I. ДРУГАЯ КНИГА

Тамбов

Кто под грушей, кто под сливой.

Брак случайный, несчастливый.

Тут затворы, там забор.

Что мы знали до сих пор?

Раздраженье разгрызая,
сверху смотрит белка злая.

За ней снежная гора,
в доме черная дыра.

Ничего не подевалось,
что вошло, то и осталось.

Чайник воет, как вулкан.

На столе стоит стакан.

Кому хрен, кому горчица.

Кому спится, кому злится.

Отведи, скрипя, засов.

Страшно утром в пять часов.

Нигде музыки не слышно.

Над дорогою всевышно.

Где Герасим – там Муму.

Не завидуй никому.

* * *

Он вернулся из сада
и снова лег
и ноги его были холодны от ночной травы
Светлее комнаты,
горьких наволок
были только швы
улицы меж набежавших штор,
и жалость, которую ни к кому
не надо чувствовать,
ни о ком,
сама руку протягивала к окну,
к голове, еще пахнувшей табаком

* * *

А я стояла рядом и смотрела,
а ты разматывал свой бесконечный бинт,
за слоем слой.
И все росли овалы бурой крови
и шли все чаще.
Ты плакал так беззвучно, одиноко –
что я могла?
Я в землю там вросла

и видела, как марлевая пена
ложилась под ноги.
Вдруг кончился
и соскользнул конец.
Но раны не было,
рука была бела.

Шах, мат

Молчанье твое – что ругань.
Ты мне не мил.
На моих губах уголь,
на твоих губах мел.

Кому повем,
как страшно в твоих зрачках?
Ну так давай оставим
дурочку в дурачках.

Белей ночи бессонной
глаз, черней дня.
Короче, короче,
разгроми ж меня!

Давай, опрокинь доску,
убей ферзя!
А я опять возьму воску
слеплю себе лья.

Из форточки

...Гляжу, баран, на новые ворота,

я перед ними тоже виновата.
Вся жизнь распорота
                    распорота разъята.
Метет в окно, а нам не страшно что-то.

Так хлопнут дверью, что в Мадагаскаре
начнется наводнение, аты баты
с утра пойдут,
                    в чем были мы, в солдаты.

- И то, скажи, войска today в ударе!
Так хлопнут окна, что волна с волною
отправятся
                    за пылью соляною.

Там дом стоял стоит кирпичный прежний,
поселок под Москвой, до боли брежний
как ветки осенью
                    бросались в рукопашный!
...Немного боязно, но не сказать чтоб страшно.

А лес, а елку с запахом просфорки –
ты помнишь дом? Как ты из узкой фортки –
на то, что волей чудится барану,
тарасилась! Да, видно, было рано.

Так соль рассыпали! – теперь уже не важно.
Такие раздробили съели копи! -
пора домой,
                    не все же нам в окопе.

Пускай совсем без соли будет брашно.
Гляди, баран, на новые ворота -
вся жизнь распорота,
                    а нам не страшно что-то...

Потому что

потому что тебя я полулюблю, потому что, в стенку влипая, сплю,

потому и створка, створку скребя, сердце скрепя,
не найдет себя

потому что уже не считать до ста, раковина, мой друг, пуста,
потому что уже поостыла печь, но квадрат загорелых плеч
в траве выжигает плешь

потому что, темнея на простыне, тлеешь еще во мне,
потому что горло скребет прости, потому что мне до тебя расти,
а тебе меня не найти

ибо просто так в своих не палят, друг, поздно считать цыплят
потому что к спине еще льнет ладонь, потому что ее ледяной огонь -
не полымя: полуогонь

потому что черен простолюдин, я одна, ты один
потому что теперь одному грести,
но ты не веришь в "прости"

На простынях

1

лопатов весла

бороздящий лед огонь

пожалуйста табань табань табань

льняные льдины без морщин и складок

соскальзывают чресла

сладок сладок сладок

коричнев сумрак комнаты ночной

как совы страшные следят из темных сумок

как будто бы родители со мной

у той стены - спят - руку протяни:

за шторой лодка прячется в тени,

рубашки узел послуни тесемок

зубами погрызи

еще чуть чуть - отвяжется она сама собой

2

черные слитки воды в воде

видишь в своей ледовитой постели просто не знаешь где

как глубоко

- Я – «Магеллан» - не дошел до цели

- Я – «Магадан» - остается в щели - вьется воды год или два
на волосок

просто не знаю где

Двое

Похоронили матерей,
на мартовском ветру стояли.
И смысл, и волю потеряли
и сделались себя старей.
Осталась я у них одна
на всем жестокосердном свете.
И ни оврага, ни холма -
лишь ровный голос на кассете
с небес не толще полотна.

Четыре нежные руки
меня отрывисто касались.
Ключицы скрипнули, раскрылись,
и сердце треснуло, как наст.
Пока неслась дневная мгла,
пока мело по снежной мели –
я б их оставить не могла.
Я им была как мать, не мене -
но Господи, как я мала.

Греми же, мартовская жесьь,
жестоковыйные морозы!
Большней любовь на свете есть
горящей на щеке угрозы –
слепая ласковая лесьь.
Разлука выпорхнет – и во
все концы! – не оттого ли,
что смысла нет в добытой воле?
Но и в неволе нет его.

Строфы. В новом свете

У нас в городе всего немного.
Сошел с автобуса – вот тебе синагога
с витражами. А там и всяких церквей, и щеток-
лужаек с двумя этажами.

Даже летом к вечеру тихо, считай: не пьяно.
Имя города: Ясна Поляна.
А главная улица Ясной Поляны –
Вроде как улица Ленина - улица Ясной Поляны.

Если по ней до конца на запад – там парк с флагом и обелиском.
Летом наливают бассейн, песчаный и с лунным блеском.
А дальше река Пассаик, хоть, конечно, не Волга.
Не буду издалека, но тут я жила долго. Может быть, слишком долго.

Текла-река тихо, но иногда и валко.
А потом все смешалось, я затеяла свалку:
дом взорвала, всех убила – и переехала на восток
по Улице Ясной Поляны. Как оказалось, тут тоже имеется лес. Так

я перемещаюсь временами в пространстве. Нет калитки
чтоб скрипела - но нет и клетки.
Пианино продали. Стихи-жалейки
хожу терзать теперь на чужой лужайке.

Дочь закончила школу. Читает и говорит
по-русски.
Яблоко ест, как я - целиком, с огрызком,
но на щеке звезда у нее горит.

4 августа 2006

\

II. КОНЕЦ МИФА

* * *

Не жнец, не жрец, не спец, не пятикнижник -
но у меня есть стебелек-треножник:
колеблющийся стебель над трясиной,
с одной лишь песнью ломкою, осенней,
с неловкой остью, с талией осиною.

Конец мифа

Остались Маша, и Сережа,
и Оля.

Бабушка и ты.

А *голос крови* - он все реже. А больше кто еще ? никто.

Остался только голос края
неназванного,

где без слез

она летит, как будто знает, сквозь трудный воздух-плексиглаз –

душа

случайная родная

услышала невнятный зов –

а ночью звезды собирают в корзины из горячих лоз.

* * *

что мальчик местечковый молчаливый
с глазами удивленными ко мне? -
иди ко мне

камней неперевернутых условий
почти не остается даже слов
что слов! - узлов

не перерубленных загубленных сметенных
не тронутых не знающих суда
иди сюда

я научусь не знать вины у темных
черней черты оседлости черней
не знать о ней

небывшее становись не бывшим
а большим так что уже больней не быть
когда-нибудь

я тоже разучусь тягаться с прошлым
пока ж во мне стоит не тает куб
дай губ

талое в горячечных рассказах
объятья вжим - скорлупка в скорлупе -

идти к тебе

сквозь треск существованья из запаух
чащобы непролазом в дым родства
в рост в Днестр костра

Страх

ну боюсь - да - тронуть кору под ней гром дробь
не хочу я дурить кровь
дарить гроб

пойми таволга так бежит к пойме полнит ров
как полно уж провалов полнила
прости Го

ведь не мой а хотя бы и мой был
ну как трону крыло от грозы мокро
молнией бело

не в орла корм - вода ведь - ну как войду?
как войду воля твоя как пробью
в крыле дыру?

* * *

а как там будет так уж и не помнится
как будто не будет
как вылюбишь так оно вновь наполнится
как светом бред

уйду сбегу сойду пока не поздно ведь
пока не добела
не все ведь до конца до краю вон доведь
в пешки сбегла

пока не полностью не мы не выпиты
сомкни створки страсть
сбеги уйди на волю выкипи
не трать не трать

пешком по лугу хорошо мне снизу вверх
где ты летишь сам-друг
на страсти облачны тысячны туч заварух
на вышний луг

на великолепии крыл твоих внутренних
изнанку словых снов
на махом машучи ночных ли утренних
но темных слов

ведь ты все знаешь сам она и вглубь не вещь
как ни была б родна
как ни люби ее вовек не вылюбишь
как день до дна

седьмая сказка

и что - непонятно но видимо в ней
и в нем что-то было такое -
тревога
бежала по кронам семей

топтаться поодаль держаться вдали
им было привычно - об этом
и речь-то
- их было легко развели

покуда ту дамбу пока не смели
смешные картонные створки
в июле
и некого стало беречь

покуда в двенадцатый год и ручей
двунадесять рук не тянулись
вслепую

в листовую дощатую ночь

друг другом напиться они не смогли
и оба погибли от жажды
и дважды
и трижды за летнюю ночь

Рифма

Как женщина, негромкая с утра,
с пергаментными нежными тенями -
ты, рифма бедная,
любой
дороже и лихой, и небывалой.

Она стоит в халатике цветном
на кухне, освещенной первым снегом,
единственная -
и своей
не сознает, сжимая сердце, силы.

Миф

О. Вулфу

Почти ничего не случилось на сетке воды.

Прогнулось вот тут пробежали шаги плавунца
коленки и щиколотки голень блеснула как леска и вот
прогнулся батут и подвинулся вправо листок
порвалась поверхность вошел наконечник стрелы

и все тяжелея перо порузилось на треть

Подуло У берега полусклонилась трава.

Плеснуло у ветки Сверкнул в середине восток.

Как долго зевок за сокровищем в грот собирался Ушел и в лощине слеза.

Еще ничего не случилось и может еще не случится

Зола на ладони уже холоднее ладони Ого
ликующий лектор указку луча словно леску

закинул до этого берега вон до щитиновой чьей-то скорлупки

уже не касаясь ячеек воды серебрящей глаза за леса
Лесой исчертил проводами поднявшийся воздух

Памяти Ольги Орловой

Нет грифеля жирней, черней карандаша,
нет угля голубей, нет лиловой портала.

Что вспомнят о тебе, летящая душа?

О том, что ты страдала.

Но это все не то, но это все не то.

- Не бросить, не забыть ни дела, ни полдела.

Что знает о себе, работой занята,

святая прямота, помедлив у предела?

Чем занят резкий луч, взмывающий в зенит?

Что уже знает он, голубизны заочник?

Заботою - какой - теперешней звенит

ашкеназийский твой горячий позвоночник?

...Тарелки перемыть, стол вытереть, и все
большие разложить и крошечные фото,
с косой и без косы, на взморье, на косе –
такого просто нет, чтоб не узнать кого-то!

- И дети, и друзья, и те семья с семьей,
и дальние друзья, и близкие поэты –
что помнишь ты о нас, склоняясь над землей,
как с белого к волне свисая парашюта?

* * *

Треножник мой, качаясь на болоте,
немыслимый на месте
посусветней,
застигнутый в неначатом полете
меж тиной и галактикой соседней,

треножник мой, колеблемый в осоке,
в печали камышовой,
тростниковой,
не замшевый, не, как они, высокий,
но, как они, тревожный, нетолковый,

треножник мой, с повадкой неземною,
как мыслящий, качаясь
над трясиной...
Не можешь ты расстаться не со мною:
с угрюмым светом, с песнею осенней.

К северу

не оглядываясь как прокричит
триста семь триста следом восьмому перестраиваясь в длинную
V с острием к востоку
запятая
под мокрым плащом громового оттенка

забывая

теплую в чаще утробу пруда

уже

каждой осенью под колеблемым панцирем ряски

вздыхание звездчатой изумрудной

дрожание слизи

не раздумывая где зимовать зимовать

отзывается триста девять последний в ряду

о сквозной треугольник Паскаля дай пойду посмотрю еще раз

дай сочту

все три тысячи тундровых гуру

Как год тому назад. Waterford

название индейской реки
это соленое устье
мост
дрожащий на горле залива в ночи
мучительной рыжей цепочкой

а наутро
невидимый
в эти дни на другом берегу
умирала Марина а Саше
оставалась лишь осень

под утро
прилив
тихий бор
подходит прямо к воде
и трогает воду

в доме чужом снится воздух
свет
из распахнутых окон
пустая окраина русский
город на Ч

снится строка
только что вымолвленная
ничья

июль 2007

Спала, как догоняла, как неслась.
А жизнь моя невдалеке паслась,
не помня обо мне – и слава Богу.
Спустилась в воду я и перешла дорогу.

Смеркалось, и мешался снег с дождем,
грузовики мешали грязь со всем,
гремели тяжело, вжимаясь в слякоть,
- и высвободила локоть.

Там, за спиною, жизнь моя текла
так быстро-медленно, как будто я ткала
ребристый гобелен ее, с поляной -
ручей, и рощица, и резкий возглас пьяный.

То ангелы – не молния - сверкнув
крылом, скользнули в тучи – я рукав
не доткала один, не довязала -
и тем крылом я горизонт взяла.

Я жизнь опередила – и за край
земли, склонившись быстро - крой
увидела, и в петельках изнанку -
и удивилась тесноте родной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 Из книги ПОСЛЕ ЭПИГРАФА 1978-1995

I. Продолжение повести. Америка

Не сумев на чужом...

Не растрчивай слова слова слова...

Элегия

Памяти И.А.Бродского

Пора вернуться к самому началу...

Песни унылой родины

1 Оконная

2 Романтическая

3 У забора

4 Ностальгическая

5 Сага

II. Утро на кухне. Россия, Крым

Выйти замуж

На улице в четыре дома

Перед разлукой

Под горой

Лунная ночь

Письмо. Июнь

Воскресенье

Утро на кухне

Деревья к сентябрю теряют вес...

И ночью мне открылось....

Еще чуть чуть...

После потопа

В птичьем небе благодать...

III. Вид из поезда на закате. Америка

Блюз пешего хода

Не хочу

Шесть с четвертью

Осень в Михайловском

Что в рифму гудеть нам...

После эпитафии

А первая у меня была свекровь...
Вид из поезда на закате

2. Из книги «ПРОСТЫЕ ВРЕМЕНА» 1995-2000 Америка

I. Посвящение.

Сегодня видно далеко...
Почтовое
Четверг, тебя убили в понедельник...
Август.40
Жизнь в июле
Пусть никогда....
Июль
Не в оцинкованное, с солью...
Школьная площадка. Englewood Cliffs, NJ
День, когда привезли рояль
Годовщина

II. Походные песни и плачи

О, я люблю тебя давно...
В полседьмого навеки стемнеет...
Пришли простые времена...
Походная
Ветер
В югендстиле
Blues
Без названия
Автобус
Ответ
Без музыки
Шесть (нет, семь) отрывков
Поэт и слависты
Непоющий поэт и ручья не прошел...
30 декабря 1996
В подъезде
Памяти «Иллюзиона»
Антикварное
Перелески в окне - как реклама на длинном плакате...
Гром в марте

На дороге
Пространство, я тебя не опечалю...
Сегодня утром проложу...

3. ВОЛК. Повесть в четырех главах. 1983-2007

Пролог

Глава 1. В воздухе. 1983-1984. Москва

Любовь
Тебе - семь чувств
    Ты пришел, естественно, с востока...
    Вот что значит...
    Твой закон теперь и мой закон...
Колыбельная с отгадкой
Моцарт
Воспоминание об Альгамбре
В паузе
    Бог судья тебе...
    Уходи, уходи, улетай...
Весенний крик воробья

Глава 2. 1997. Америка

По двору, по канаве, трубе...

Глава 3. Рождение вселенной. 2001-2002. Америка, Москва

Что-то улицы вскочили...
Наägen-Dazs. 9 апреля 2001
Один – едва ли не говроит с Богом...
Вермеер
Ну а теперь – как назовем?..
А вот так и любим...
Мотив
21 сентября 2001
Петр и Павел час убавил..
Как армия, легко вооруженная...

В сумерках
Таежное
Кузьминский лес
Романс. На мотив Стивена Хокинга
Рождение вселенной
Я летела на запад...
Из окна самолета
Жизнь моя подходит к середине...
Над пашней. Без тебя

Глава 4. На твердые реки. 2002-2007. Америка

А у нас, Никола...
Повесть
Осень в дубовых лесах
Пойдем
Как ни царапай сердце лес...
Круг

4. Из книги «ПУТНИКУ СНИТСЯ» 2001-2002. Америка

I. На тему Бредбери

Моя фамилия с русалочьим хвостом...
Конец света
Луна
Новолуние
Земля
На тему Бредбери
Ручей
Сумерки в парке
Отражения
Переулок. Москва, 2001
О букве «х» и о русской просодии
Ребенок, задержавшийся за дверью...
Я обожаю мою жизнь, она большая

II. Ночная трава

Сегодня дождь, и светится подвал...

Комната на закате
Ночь
День
Ночные стихи для Божьих детей
(~)А как Камена-то пойдет тузить Фортуну...
Небо, Ваше высочество....
Двум поэтам

5. ЗАПАДНЫЙ ПОЛЮС. 2002-2007.

То, что было со мной....
Улыбка. 24 декабря 2003 года
Лодка, на рассвете
Фильм
Ода
В краю, где трудно сказать «еврей»
Вражда
Вот идет...
Разночинец первый снег....
Зеленые стихи
Ли Цы и Ли Цо
Ночью смотрю на восточную стену
Ночная песня
Стихи для детей
Месяц растущий
Заря в городе
На границе
Присутствие
В волнах
Ибо любая вода...
В поле
Перед грозой

6. ГОБЕЛЕН.

I. Другая книга

Тамбов
Он вернулся из сада...
А я стояла рядом и смотрела...
Шах, мат

Из форточки
Потому что
На простынях
    Лопаток весла...
    Черные слитки воды в воде...
Двое
Строфы. В новом свете

II. Конец мифа

Не жнец, не жрец, не спец, не пятикнижник ...
Конец мифа
Страх
А как там будет, так уж и не помнится....
Что, мальчик местечковый молчаливый...
Седьмая сказка
Рифма
Памяти Ольги Орловой
Треножник мой, качаясь на болоте...
К северу
Миф
Как год тому назад. Waterford
Гобелен

PAGE

PAGE 190